Ф. РЕВЗИН.

Эволюция форм заработной платы в Советской России.

Издание ВЦСПС
1923 г.

Главлит, Москва. № 10858. Печ. 5000 экз.

Типография РИО ВЦСПС. Моховая 1-16.

ГЛАВА I.

Формы заработной платы в капиталистической России.

(Вместо введения).

1.

Формами заработной платы мы называем те виды реальных или условных ценностей, которыми производится расплата с рабочими за их рабочую силу. Формы расплаты суть формы заработной платы.

В формах заработной платы мы различаем: 1) чисто денежную, когда рабочий всю свою заработную плату получает исключительно деньгами, 2) чисто натуральную, когда рабочий получает всю свою заработную плату натурою (продовольствие, разные продукты, жилище, предметы своего производства и т. д.) и 3) смешанную, когда рабочий получает свою плату частью натурой и частью деньгами. В натуральной форме заработной платы мы должны отличать расплату продуктами собственного производства от расплаты какими-либо продуктами, не составляющими предметы собственного производства, главным образом, продуктами потребления. Это отличие имеет существенное значение как для интересов рабочих, так и для определения и уяснения тех форм хозяйственного развития, при которых тот или другой из указанных выше видов натуральной формы заработной платы применялся. Первый вид натуральной заработной платы—продуктовый, т. е., когда натуральная заработная плата выдавалась продуктами потребления, применялся при натуральном хозяйстве, преимущественно в земледелии, в ремесленном цеховом производстве и на поссесионной фабрике. Второй вид натуральной заработной платы, товарный, т. е. когда заработная плата выдавалась товарами, главным образом, своего производства, применялся значительно позже, уже при промышленном капитализме, на первых ступенях его развития. Интересам рабочих, независимо от того, когда тот или иной вид натуральной формы заработной платы применялся, более соответствовал продуктовый вид, когда он непосредственно мог употреблять выданные продукты, чем товарный, когда

приходится выданные товары, в большинстве случаев плохого качества и зачтенные по дорогой цене, продавать и всегда, конечно, дешевле фактической стоимости.

Чисто денежная оплата рабочей силы развивается лишь на очень высокой ступени промышленного капитализма и по мере развития обмена и денежного обращения. В ремесленном производстве и даже при промышенном капитализме типа мануфактуры мы имеем натуральную форму заработной платы иногда и как преобладающую. Если же мы обратимся к до-капиталистической эпохе, то найдем там натуральную плату в чистом ее виде. Это все те случаи, когда заработная плата целиком сводилась к продовольствию натурой. Мы это видим в крепостном земледельческом хозяйстве, которое являлось переходной формой к капиталистическому предприятию. С точки зрения капиталистических отношений, если их приложить к крепостному земледельческому хозяйству, продовольствие, которое получал дворовый, можно рассматривать, как плату за его рабочую силу.

Но и свободное земледелие долго сохранило натуральную заработную плату. Не только в крупном крестьянском хозяйстве, но и в крупном земледельческом помещечьем хозяйстве, которое ставилось в общем на капиталистичеких началах, батрак-работник всегда получал жилище, одежду и продовольствие от хозяина.

То же самое было и в области премышленности, которая вышла из недр крепостного хозяйства. Положение крепостного рабочего в русской вотчине или на поссесионной фабрике экономически почти ничем не отличалось от положения дворового крестьянина. Заработная плата здесь сводилась к довольствию натурой и в редких случаях выдавалась незначительная денежная сумма.

Но если обратиться к той крупной промышленности, которая развивалась из мелко-буржуазных форм, а не в недрах крепостного хозяйства, то и здесь мы откроем на первых ступенях развития натуральную оплату. О ремесленном подмастерье средних веков, который входил в семью мастера, как ее член, нечего говорить: здесь все сводилось к натуральному довольствию подмастерья. Но и с резким расслоением ремесленного сословия, когда многочисленные работники, оставаясь в звании подмастерьев, экономически развивались в класс наемных рабочих, натуральная заработная плата, как господствующая форма, не отмирала. Но не только в предприятиях типа мануфактур, но и при машинном капитализме на первых его ступенях мы также встречаем натуральную оплату в виде выдачи товаров собственного производства. Иногда она, правда, здесь принимает и скрытую форму. Рабочие получают заработную плату большею частью деньгами, довольствуются самостоятельно,

но все необходимое они должны покупать у фабриканта. С рабочих производились постоянные вычеты за те или иные оказываемые, а иногда и не оказываемые, услуги (освещение, баня, врачебная помощь и т. д.). Рабочие были прикреплены к фабричной лавке, та же лавка принудительно им сбывала как бракованный, так вообще ненужный рабочим товар. Таким образом, фабрикант фактически получал обратно все уплоченные им рабочим денежные заработки, наживаясь на скрытой натуральной оплате. Иногда это делалось еще более откровенно: расплата производилась исключительно бонами или квитанциями на фабричную лавку. Эта скрытая форма натуральной оплаты, система прижимки или „трюк-систем", у нас в России еще в восьмидесятых годах прошлого века применялась сплошь и рядом. Некоторые ограничения этой системы предусматривались законом 3-го июня 1886 г., который был вызван сильным стачечным движением в первой половине восьмидесятых годов; этот закон воспрещал расплату товарами. Но фактическое проведение этого закона всегда определялось силою рабочего класса. При всяком спаде рабочего движения этот закон терял свою силу и превращался в простую бумажку. Только на очень высокой ступени промышленного капитализма денежная форма заработной платы, выдвигаемая и борьбой рабочего класса, становится не только господствующей, но и единственной. Таким образом, эволюция форм заработной платы от натуральной к денежной идет наравне с эволюцией форм произведственных отношений от натурально-хозяйственных к капиталистическим. Или, вернее, эволюция форм заработной платы представляет собою особое выражение изменения произведственных отношений от натурального хозяйства к капитализму.

ГЛАВА II.

Формы заработной платы в Советской России в период военного коммунизма.

1.

Октябрьская Революция провела резкую грань между капиталистическим способом производства в России и социалистическим. С завоеванием государственной власти пролетариатом начинается процесс гигантских экономических преобразований, грандиозных изменений, процесс перестройки всей системы производственных отношений. Начинается переход от анархии в производстве к производству плановому, от частной собственности к собственности коллективной, общественной, на средства и на орудия производства. Начинают вытесняться рынок, капиталистические системы обмена, наемный труд и эксплоатация труда, начинает внедряться плановое распределение и организованное потребление общественной продукцией труда. Борьба классов должна уступать затем свое место трудовому сплочению всего человечества в единый коллектив, овладевающий всеми силами и и неограниченными богатствами природы. Но этот процесс совершается и завершается не сразу, этот процесс встречает на своем пути целый ряд препятствий, затруднений и осложнений, в зависимости от состояния и развития производительных сил страны в момент начала процесса, при чем полное завершение процесса возможно только в мировом масштабе. На этом пути борьба нового со старым принимает разные формы, вступая в различные положения, то переплетаясь с ним, то преодолевая его, то отступая назад, создавая новые сложные, иногда противоречивые явления.

Этот грандиознейший процесс передвижки производственных отношений начался у нас с Октябрьской Революции экспроприацией крупной частной собственности и частной собственности на средства и орудия производства. К моменту декрета от 28 июня, которым была национализирована (передена в собственность советского государства),

вся крупная промышленность, национализация железнодорожного и водного транспорта, банков, акционерных капиталов была уже совершена. Хозяином страны и промышленности стал организовавшийся в государство рабочий класс. Началось огосударствление экономических функций страны, сначала производственных (крупная и средняя промышленность), а затем и распределительных (торговля, рынки, обмен).

Рабочий класс получил от капитализма в наследство расстроенный и разрушенный произведственный аппарат. Хозяйство страны было крайне истощено империалистической войной. Во время керенщины положение еще больше ухудшилось, так как к фактору продолжающейся империалистической войны присоединилось то обстоятельство, что буржуазия не имела в этот период особого интереса налаживать производство, все ее внимание было сосредоточено на том, чтобы помешать и предупредить победу рабочего класса. Фабрики и заводы оставлялись ею без сырья, без топлива, без денег и нередко, это всем нам памятно, и без хозяев.

Произошла Октябрьская Революция. Декрет о национализации крупной промышленности оставлял право за прежними владельцами пользоваться их предприятиями на арендных началах.[1]). Но предприниматели предпочли уйти в надежде на скорую победу над рабочим классом. С ними ушла вместе и техническая интеллигенция. В результате, рабочий класс вынужден был целиком овладеть производством в момент, когда с подчеркнутой резкостью выявился распад производительных сил. Революция этот распад усилила. Материальные издержки революции или убытки от революции, совершающей такой гигантской переворот в хозяйственных отношениях, были громадны. Опыт всех буржуазных революций, сыгравших громадную роль в развитии производительных сил, показывает, что это развитие неизбежно покупалось ценою колоссального материального ущерба. Тем более это не могло не быть при пролетарской революции, которая производит коренную ломку старых отношений. Издержки революции и последовавшей за ней гражданской войны между рабочим классом и отечественной

---

[1]) Соответствующий пункт декрета говорит:

„Впредь до особого распоряжения ВСНХ по каждому отдельному предприятию, предприятия, об'явленные, согласно настоящему декрету, достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской республики, *признаются находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев*; правления и бывшие собственники финансируют их на прежних основаниях, *а равно получают с них доходы на прежних основаниях*".

Это свидетельствует о том, как мы осторожно подходили к овладению производством и как затем саботаж и поднятая против нас война вынудили рабочий класс стать на путь „военного коммунизма".

контр-революцией и буржуазными государствами свелись к сокращению и разрушению производительных сил. Эти издержки или убытки революции выражались в том, что уничтожались фабрики, машины, аппараты, разрушались железные дороги, в процессе войны и борьбы классов в общей разрухе погибали рабочие, уничтожалась техническая интеллигенция, уничтожалось сырье, топливо и материалы. Все это приводило к распаду в производстве. Кроме того, гражданская война, требующая громадных материальных вещественных рессурсов, вынуждала перегруппировать производство, производительные силы в сторону непроизводительного потребления (оружие, снаряжение, всякого рода снабжение и т. д.). Это не могло не отозваться на отношениях города с деревней. Уже сокращение производства во время империалистической войны подорвало базу обмена между городом и деревней, значительно уменьшив количество продуктов, выбрасываемых городом, т. е. тех реальных ценностей, в виде промышленных изделий, нужных деревне и взамен которых она может дать хлеб, необходимый городу. Революция и потребности гражданской войны еще больше сократили производство необходимых деревне продуктов, мы жили остатками старых запасов, и крестьянство перестало доставлять в город хлеб в обмен, за который оно не могло ничего приобрести, кроме бумажных денег, потерявших ценность. Города начал душить голод. Вопрос о хлебе стал вопросом жизни или смерти для рабочего класса и революции. Необходимо было во что бы то ни стало извлечь из деревни хлеб для снабжения рабочих и Красной армии. Отсюда — хлебная монополия, твердые цены, а впоследствии и разверстка. Это продовольственное положение на фоне распада производства в обстановке разгорающейся гражданской войны усиленно форсировало процесс полного огосударствления всех экономических функций страны. В резолюции по продовольственному вопросу собрание фабрично-заводских комитетов и рабочих организаций Москвы 4 июня 1918 г. требовало огосударствления (национализации) торгового аппарата. Это было потом сделано. Интересы минимального удовлетворения потребностей рабочих, занятых в промышленности и Красной армии, требовали и привели, с одной стороны, к жесткой централизации управления производством в целях проведения жесткой программы производства только тех или иных необходимых продуктов, а с другой стороны — к такому же распределению производимой продукции в целях удовлетворения важнейших потребностей армии, рабочих и крестьян (последних в порядке обмена). Здесь было заложено плановое начало социалистического хозяйства.

Плановое производстве и распределение уничтожало рынок и товарную систему, как таковую. Все производство находилось в руках государства, на рынок в вольную продажу ничего не выпускалось, а распределение производилось через государственные распределительные пункты. Предметы, производимые нашей промышленностью, перестали быть товаром, они стали продуктами, ибо, поскольку вместо рыночной стихии выступает сознательный общественный регулятор в лице пролетарского государства, постольку производство теряет свой товарный характер. Мы, таким образом, отходили от товарного хозяйства к хозяйству социалистическому. Ясно, что с ликвидацией товарной системы производства происходит и процесс отмирания денежной системы, которая является главной связкой товарного хозяйства. Деньги теряют свою ценность, деньги перестают быть всеобщим эквивалентом, распределение продуктов проходит мимо них.

Теперь нам должно стать ясным, что в формах заработной платы переход от капиталистической системы производства к социалистической нашел свое выражение в эволюции от денежной к натуральной заработной плате.

2.

Смена после Октябрьской Революции денежной формы заработной платы натуральной, как и процесс смены производственных отношений в переходный период, совершалась постепенно и по мере того, или, вернее, после того, как созревали соответствующие, в смысле натуральных рессурсов и характера производственных отношений, предпосылки. Чисто натуральной оплаты мы в эпоху военного коммунизма ни на один момент не имели. До середины 1918 г. [1]) заработная плата от чисто денежной постепенно и частично превращалась в натуральную, оставаясь все время в форме смешанной (натура и деньги), но с все большим перевесом в натуральной части.

Рост цен на продукты первой необходимости, процесс обесценения денег, надвигающийся на пролетарские центры и центральную промышленную область летом 1918 г. голод и падение в связи с этим реальной заработной платы рабочих требовали экстренных мер для сохранения минимума возможностей существования рабочего класса. Гражданская война, отрезавшая центр Советской России от хлебородных областей Юго-Востока, Украины и Сибири, с'узила хлебный

[1]) Следует оговорить, что карточная система выдачи отдельных продуктов (сахар, хлеб) была введена в России, по крайней мере в столицах, еще в конце 1916 г. Но это не имеет никакого, даже отдаленнейшего, отношения к заработной плате. По этим карточкам продукты выдавались по нормировочным ценам *всем гражданам*. Считать прибавкой к заработной плате, хотя в отдаленной степени, выдачи по карточкам можно лишь с введением классового пайка.

базис страны и заставила принять чрезвычайные меры для обеспечения хлебом армии военной и промышленной. Обесценение денег, явившееся следствием упадка и распада производительных сил страны, сделало невозможным заготовку хлеба обычным, старым путем—посредством купли. Необходимо было вступить на путь товарообмена и для этого собрать, мобилизовать все наличные в стране запасы товаров. Это обстоятельство, в условиях падающей производительности промышленных предприятий, заставило форсировать национализацию магазинов и всех товарных запасов частных торговых фирм и вместе с товарообменом после ликвидации частно-торгового аппарата организовать и распределение в форме ли бесплатной выдачи рабочим натурой или продажи по нормировочным ценам через государственные магазины. Социалистическое начало в производстве, положенное национализацией промышленности, вступало, таким образом, и в распределение. В таких условиях источник существования рабочего класса—заработная плата—должен был менять и свой характер и свою форму. В капиталистических условиях производства, товарном хозяйстве заработная плата является рыночной ценой рабочей силы, проданной капиталисту. Мы видели, как постепенно с развитием капиталистических хозяйственных форм заработная плата на высокой ступени промышленного капитализма получила исключительную денежную форму. В социалистическом же хозяйстве, при полном уничтожении товарной системы, заработная плата, как выражение товарного характера рабочей силы, умрет вместе со всей товарной системой. Место заработной платы займет социалистическое распределение общественной продукции в натуре. Но эта замена не совершается сразу и в эпоху военного коммунизма она не завершилась и завершиться не могла. На втором полюсе поднималось социалистическое производство с натуральным распределением общественной продукции, а на первом еще существовали товарные отношения с заработной платой в денежной форме. По мере роста жизни на втором полюсе, отмирала жизнь на первом. В первый год Октябрьской Революции жизнь на первом полюсе уже начинала отмирать, на втором же она только зарождалась. Неудивительно, что в первое полугодие 1918 г. мы имели исключительно денежную форму заработной платы, а на втором полугодии, осенью, только заговорили о натурализации заработной платы.

3.

Мы выше указывали, что рост цен и надвигающийся голод требовали экстренных мер для обеспечения возможности существования рабочего класса. Денежная заработная плата, при номинальном ее повышении, реально продолжа-

ла падать. Надо было заработной плате или источнику существования рабочего класса придать такую форму, чтобы сохранить реальную его ценность. И вот чрезвычайно интересно проследить, как проблемы натурализации заработной платы ставились и как проводились.

Постановка вопроса натурализации заработной платы лишь отчасти выявилась впервые на втором всероссийском с'езде комиссаров труда. В резолюции об экономическом положении рабочего класса с'езд констатирует: „...Реальная заработная плата рабочего класса в целом за последние месяцы понизилась, ибо рост дороговизны, хотя и сдерживаемый действиями советской власти, при недостатке продуктов далеко обогнал рост заработной платы. С'езд признает, что при данных условиях улучшение экономического положения рабочего класса простым повышением номинальной заработной платы достигнуто быть не может. Рабочий класс не заинтересован в количестве получаемых денежных знаков, а в возможности удовлетворять свои потребности. Констатируя самоотверженность рабочего класса в целом, с'езд полагает, что выходом из создавшегося положения является только *планомерная организация обмена продуктов*" (курсив резолюции [1]). Решение с'езда по этому вопросу носит туманный характер и, повидимому, с'езд не представлял себе или не считал возможным поставить вопрос конкретно и ясно. В такой же неконкретной форме Народный Комиссар Труда т. Ногин ставил вопрос на заседании ВЦИК 13-го сентября 1918 г., когда обсуждался вопрос о повышении денежной заработной платы. Т. Ногин говорил: „необходимо разрешить вопрос о новых формах заработной платы". И предлагал для этой цели избрать комиссию. Конкретное выражение вопрос о натурализации заработной платы получил в постановке т. Ларина. „Натурализация заработной платы,—говорит т. Ларин—это есть переход к выдаче заработка необходимыми для жизни продуктами". Как же мотивировал т. Ларин вопрос о необходимости натурализации заработной платы? Развивая мысль о том, что рабочему приходится платить и за хлеб и за промышленные изделия в то время, как крестьянин имеет хлеб натурою бесплатно, следствием чего рабочий не равен силами с крестьянством, т. Ларин приходит к выводу: „надо рабочего уравнять с крестьянством в шансах *товарообмена*" (Курсив т. Ларина). Дальше. Как в постановке т. Ларина мыслится проведение натурализации заработной платы?

„Каждый центр или главк будет отпускать то количество необходимых продуктов, какое нужно для удовлетво-

[1]) Протоколы 2-го Всероссийского с'езда комиссаров труда, представителей Биржи Труда и страховых касс, 18—25 мая 1918 г.; издание Народного Комиссариата Труда № 19. Москва, 1918 г. стр. 233—234.

рения пролетариата... Это должно быть роздано всем рабочим и служащим России *без всякой уплаты ими денег*". (Курсив т. Ларина).

„Плата на первое время будет комбинирована, примерно, так: рабочий Иванов получает от государства столько-то пар сапог в год, сколько-то аршин материи и т. д., такую-то квартиру и сверх того столько-то рублей деньгами. При такой смешанной по форме оплате количество продуктов, полагающихся рабочим *будет в общем однородным во всех частях России*, а количество денег будет колебаться по городам и губерниям, смотря по стоимости в них продовольствия".

„Для каждой категории рабочих придется установить не одну норму заработка, а несколько, *в зависимости от числа лиц*, какие живут на данный заработок. Это есть „фамильяризация" заработной платы"[1]).

Анализируя постановку т. Лариным вопроса о натурализации заработной платы, легко усмотреть, что при абсолютной бесплатности и однородности количества выдачи продуктов и при установлении семейного тарифа (фамильяризация) в зависимости от числа едоков, эту „заработную плату" никак нельзя связать—она у т. Ларина и не связывается—с производительностью труда и с работою вообще. Предложение т. Ларина сводилось не к натурализации заработной платы, а к уничтожению ее как таковой, к уничтожению ее, как экономической категории капитализма, с заменой заработной платы государственным плановым организованным снабжением рабочего класса „необходимыми для жизни предметами". Это была бы не натуральная оплата, а натуральное снабжение, государственное обеспечение рабочего класса, при чем получаемые „сверх того столько-то рублей деньгами" в этой системе не играли бы никакой роли. Такова была одна постановка вопроса, которая полностью клонилась к социалистическому полюсу в условиях 1918 г., когда только что появлялись первые ростки, но была и другая постановка вопроса, которая сводилась к действительной натурализации заработной платы, т. е. к замене в оплате труда денег расплатой в натуре продуктами продовольствия в зависимости от производительности труда. Наиболее яркое выражение эта постановка вопроса о натурализации заработной платы получила у т. Гольцмана. Указывая, что денежная заработная плата предполагает наличность частного рынка и свободной торговли и что при развитии государственного регулирования товарообмена, неизбежно ведущего к полной национализации торговли,

---

[1]) См. „Известия ВЦИК" от 14 сентября 1918 г., № 199; курсив повсюду т. Ларина.

денежная система теряет свой смысл и как система уплаты за самый основной товар—рабочую силу, т. Гольцман приходит к выводу, что государство заинтересовано в том, „чтобы денежная система оплаты труда была заменена системой расчета и взаимных погашений долгов. *Система расчетов между государством и рабочими по выдаваемым рабочим предметам потребления и есть натурализация заработной платы*". (Курсив т. Гольцмана).

Как мыслилось в постановке т. Гольцмана практическое проведение натурализованной заработной платы?

„Постоянная выдача хлебных, мясных и проч. порций *неизменно сопровождается соответствующими вычетами из заработной платы рабочего*". (Курсив мой.—Ф. Р.).

„Если представить себе, что дневная заработная плата работника равна 20-ти рублям, то мы могли бы разложить эти 20 руб. на составные элементы. Мы сказали бы, что расходы 20 руб. распадаются на следушие части; хлеб—три рубля, мясо—4 руб., крупа—1 рубль, квартира—2 руб., табак—50 коп., освещение—50 коп., отопление 50 коп. Соответственно этому снабжению названными продуктами, из жалованья рабочего будут производиться регулярные вычеты"[1].)

В этой постановке, рассматривающей еще рабочую силу, как товар, мы имеем самую настоящую ясную и определенную соответствующую экономической обстановке 1918 г. натуральную форму заработной платы, а не социальное обезпечение. Это была практическая форма натурализации заработной платы, связывающая ее с важнейшей задачей эпохи военного коммунизма—с поднятием производительности труда. Указывая, что государству, берущему на себя задачу организации промышленности, необходимо перейти к более непосредственным формам распределения, т. Гольцман продолжает: „заработная плата это не гарантия рабочих от дороговизны и не страхование от недоедания. Заработная плата это совокупность продуктов, выдаваемых рабочим за произведенные ими продукты. *Заработная плата должна быть соразмерена с производительностью труда*"[2]). (Курсив мой.—Ф. Р).

Мы здесь имели полное отрицание идеи социального обеспечения, идеи страхования от недоедания, так как натуральная оплата здесь с полной категоричностью связывалась с производительностью труда. В этих двух постановках вопроса натурализации заработной платы, кото-

---

[1]) См. А. Гольцман. Регулирование и натурализация заработной платы. Издание второе. Издание ЦК металлистов. Москва, 1919 г. стр. 52, 56, 57- (первое издание вышло в октябре 1918 г.)

[2]) См. Гольцман „Заработная плата и борьба со спекуляцией" „Известия ВЦИК" от 7 сентября 1918 г. № 193.

рые здесь изложены, мы имеем, с одной стороны, доподлинную натурализацию заработной платы, а с другой—полное отрицание заработной платы, как таковой. Если последняя постановка натурализации заработной платы имела в своем основании и обосновании перспективу развития и существования коммунистической системы производства и распределения, то первая, в отличие от данной ларинской постановки, базировалась лишь на том фазисе эволюции от капиталистической системы производства к социалистической, коммунистической, когда продукты производства еще не совсем теряют свой товарный характер, но оборот их совершается уже не в порядке рыночной стихии на основе денежной системы, а производится в порядке государственного товарообмена, главным образом, между городом и деревней. Но, во всяком случае, натурализация заработной платы даже в форме частичной оплаты натурою в зависимости от производительности труда,—тем более, натурализация в форме социального обеспечения,—требует наличия организованного сильного государственного аппарата заготовки и распределения. Этого условия, наличия такого аппарата, могущего справиться хотя бы частично с делом регулярной выдачи продуктов в счет заработной платы, в 1918 г. не было. Этот аппарат только начал строиться, и поэтому отношение профессиональных союзов к идее немедленной натурализации заработной платы в той или иной форме было отрицательное. Но падение реальной заработной платы рабочих, вследствие роста цен, заставляет идти на повышение денежных тарифов. Пленум ВЦСПС, происходивший 15-го августа 1918 г., на котором при обсуждении вопроса тарифной политики были голоса за немедленное установление твердых цен на предметы первой необходимости, которое мыслилось, как некоторая своего рода косвенная, хотя весьма слабая, натурализация заработной платы, принял следующее постановление: „Пленум считает, что единственной возможностью исправить существующие тарифные ставки является относительное повышение их с приближением к существующему прожиточному минимуму"[1]). Предложение об установлении твердых цен было отвергнуто, и постановлением ВЦИК от 13-го сентября были повышены денежные тарифы. Так было по практическим соображениям отражено первое наступление на изменение форм заработной платы.

Принципиальное отношение профессиональных союзов к вопросу о натурализации заработной платы более ясно и отчетливо выявилась в конце 1918 года.

---

[1]) См. „Профессиональный Вестник", орган ВЦСПС № 13—14 от 25 сентября 1918 г. стр. 11.

„Профессиональный Вестник“, останавливаясь в передовой статье на задачах предстоящего в январе 1919 г. II Всероссийского С‘езда профессиональных союзов, говорит: „С‘езду придется остановиться на вопросе о так-называемой натурализации заработной платы, в котором мы радикально расходимся с тов. Лариным. Не отрицая *неизбежности* данной формы оплаты труда, признавая *желательным возможно* скорейшее ее *осуществление*, мы не разделяем оптимизма тов. Ларина, полагающего возможным осуществление этой меры сейчас. Верная по существу в исторической переспективе развития коммунистической системы производства и распределения, в настоящий момент, по нашему мнению, эта идея является, по меньшей мере, *преждевременной*“)[1].

В данной цитате официальной статьи авторитетнейшего органа российского профессионального движения мы имеем принципиальное отношение союзов к идее натурализации заработной платы в ларинской форме. Но и практическая, менее далекая и менее „оптимистическая“ форма натурализации заработной платы в виде частичной выдачи продуктов натурою с соответствующим вычетом из денежной заработной платы также встретила отрицательное отношение. Представленные т. Гольцманом ЦК металлистов тезисы о натурализации заработной платы были отвергнуты, и Совет Всероссиского союза металлистов 4-го декабря 1918 г. принял резолюцию, в которой говорится: „так называемая натурализация заработной платы может быть проведена лишь во всероссийском масштабе, охватывая весь рабочий класс в целом, что требует идеальной организации учета как производства, так и потребления, а также организации мощных органов распределения и твердой политики в вопросах продовольствия со стороны организаций советской власти“.

...„Совет считает, что в силу общего состояния в настоящее время органов регулирования снабжения вопрос о натурализации заработной платы не может быть разрешен сейчас же и поэтому предлагает ЦК и всем местным органам союза обратить самое серьезное внимание на организацию снабжения рабочих продовольствием“[2]).

И дальше. В тезисах тов. Шмидта к II Всероссийскому с‘езду профсоюзов по тарифной политике мы читаем: „осуществление этой формы (натурализации.—Ф. Р.) заработной платы возможно лишь при условии, что государство является фактическим обладателем всех продуктов и предметов широкого потребления, что оно имеет совершенный распределительный аппарат... В условиях нашей экономической отста-

---

[1]) См. „Профессиональный Вестник“ № 17—18 от 20/XII—1918 г., стр. 3.

[2]) Цитирую по Гольцману в его книжке „Коллективное снабжение“, издание ВЦСПС, Москва. 1921 г., стр. 6—7.

лости, недостатка продовольствия и хозяйственного развала выводы напрашиваются сами собой.

Очевидно, последняя форма заработной платы, натурализация, при вышеперечисленных условиях и неналаженности наших продовольственных и распределительных органов является абсолютно неосуществимой. Более того, применение этой формы заработной платы означает прочное начало социализма, от которого мы весьма далеки, вследствие нашей неорганизованности и неумения наладить контроль и учет"[1]).

Мы здесь имеем отрицание и практической возможности осуществления натурализации. 1918 год, таким образом, прошел под знаком отрицательного отношения к идеям натурализации заработной платы, они были им отодвинуты, широкое и прочное место занимала денежная форма. Сокращение ее мощности и силы вследствие обесценения денег заменялась, компенсировалась увеличением количества.

4.

Усиливавшаяся и расширявшаяся в дальнейшем классовая гражданская война, принявшая формы войны с капиталистическими государствами, окружила страну кольцом блокады и стиснула ее в тисках города.

Издержки революции, усиливаемые и расширяемые гражданской войной, требовали максимальной концентрации в руках государства всех наличных, запасных и производимых в стране материальных ценностей. Мы вступали на путь сплошной национализации, хозяйственные формы военного коммунизма принимали все более отчетливый характер, все более укреплялись и расширялись.

Товарооборот в стране сокращался, товарообмен с деревней переходил в разверстку, денежная система явно отмирала, рынки ликвидировались, становились нелегальными, нелегальная торговля расцвела в спекуляцию, „продукты" которой не могли быть доступны рабочим фабрик и заводов.

В таких условиях огосударствления экономических функций, с одной стороны, блокады и разрыва связи внуренних рынков, с другой, снабжение рабочих предметами первой необходимости не могло больше происходить в порядке самоснабжения не только через денежное обращение (оно было разрушено), но и путем самостоятельного личного товарообмена, все более и более вследствие общей разрухи суживающегося. Задачу обеспечения рабочих продовольствием и предметами первой необходимости могло выполнить только пролетарское государство, как орган

---

[1]) См. „Профессиональный Вестник" № 1 от 20 января 1919 г. стр. 29.

централизованного и планового производства, заготовки и распределения.

В такой обстановке денежная форма заработной платы теряла постепенно, и чем дальше, тем больше, всякий смысл, и жизнь, хозяйственная действительность, складывающаяся в социалистический уклад, властно выдвигала снова вперед замену денежной формы расплаты с рабочими натуральным снабжением.

II Всероссийский с'езд профсоюзов, происходивший в январе 1919 г., обошел молчанием вопрос о натурализации заработной платы, но уже в феврале, когда во второй раз (первый раз общероссийское механическое повышение тарифа было произведено в сентябре 1918 г.) были повышены денежные тарифы, Всероссийский Центральный Совет профсоюзов, в противоположность августовскому пленуму 1918 г., указал, что „с установлением этого минимума (600 руб.—Ф. Р.), недостаточного и для рабочего простого физического труда, перед союзами стоит вопрос о поднятии натуральной зарплаты рабочих путем усиления их питания, облегчения квартирного положения и обезпечения рабочих одеждою и обувью“ [1]).

24 июля ВЦСПС, совместно с комиссией использования ВСНХ, Наркомтрудом и Наркомпродом, было принято постановление о *бесплатном* снабжении рабочих одеждой (прозодежда) и обувью[2]) „Прозодежда“ (специальный отдел, организованный при ВЦСПС) заработала и приступила к снабжению рабочих. Одновременно с этим, в целях облегчения положения рабочих было проведено постановление о введении в пределах всей Советской России бесплатного питания детей, а также о социальном обеспечении нетрудоспособных членов семьи рабочих. Таким образом, вся семья рабочего переходила на частичное иждивение государства, переходила на государственное снабжение. Рабочие же, непосредственно занятые на предприятиях и работах, стали впоследствии постепенно переходить от общего снабжения по продовольственным карточкам к различным специальным (бронированным, ударным и сверхударным) пайкам[3]) по предприятиям, но уже

---

[1]) См. Отчет ВЦСПС за 1919 г. Издание ВЦСПС. Москва 1919 г., стр. 61.

[2]) См. „Профессиональное движение“ № 19, июнь 1919 г.

[3]) Наиболее типичными пайками, установленными комиссией по рабочему снабжению, были: А) основной месячный паек, состоящий из 1) хлеба печенного 30 ф., 2) мяса-рыбы 4 ф., 3) жиров 1/2 ф., 4) сахару 1/2 ф., 5) овощей 20 ф., 6) соли 1 ф., 7) мыла 1/4 ф., 8) кофе 1/4 ф. и 9) спичек 2 коробок. Б) усиленный паек № 1, состоящий из 1) хлеба 45 ф., 2) мяса-рыбы 7 1/2 ф., 3) жиров 3/4 ф., 4) сахару 1/2 ф., 5) овощей 20 ф., 6) соли 1 ф., 7) [illegible] ф., 8) кофе 1 ф. и 9) спичек 2 кор. В) усиленный паек № 2 из 1) хлеба 60 ф., 2) мяса-рыбы 7 1/2 ф., 3) жира 1 ф., 4) сахару 1 ф., 5) овощей 30 ф., 6) соли

здесь и на этой стадии имели определенную систему рабочего снабжения. И когда в июле 1919 года отдельными союзами был поднят вопрос о третьем по счету повышении денежных тарифов, Президиум ВЦСПС категорически высказался против какого бы то ни было денежного повышения заработной платы, выдвигая взамен вышеприведенные виды натурального снабжения. Но слабая организация и недостаточность этого натурального снабжения, отпускаемого к тому же за известную, хотя и чрезвычайно низкую плату (по твердым ценам), заставили августовский (11 августа) 1919 года пленум, в связи с повышением советской властью твердых цен на хлеб и предметы производства, в третий раз повысить во всероссийском масштабе денежные тарифы. Это было последнее общее механическое повышение денежных тарифов в период военного коммунизма. С этого времени, по мере падения ценности денег, по мере сокращения денежного обращения и по мере отмирания денежной системы вообще, денежная форма заработной платы все больше и больше отходит на задний план, вытесняется в своем значении из психологии рабочих, и ее место все больше заступает натуральное снабжение.

Если мы проследим формы натурального снабжения 1919 г., то легко увидим, что оно, натуральное снабжение, ни в какой степени не было связано с производительностью труда и с работой. Оно существовало самостоятельно, оторвано от производительности труда и с нею нигде ни в одном месте не соприкасалось. Продовольствие выдавалось в общегосударственных распределителях далеко от фабрик и заводов или в лучшем случае на самих предприятиях по спискам, но безотносительно к тому, работал ли данный рабочий, сколько работал и что сработал. О детском питании и социальном обеспечении нетрудоспособных членов семьи нечего и упоминать. Натуральное пайковое снабжение, стало быть, не имело характера заработной платы. Натурализация „заработной платы“, таким образом, пошла по пути социального обеспечения и государственного распределения общественной продукции. Не приходится подробно говорить, что это по существу, по экономическому своему содержанию, означало не натурализацию заработной платы, а постепенную ее ликвидацию. Эта ликвидация фактически началась не с 1919 г., она свои корни имеет в 1918 г. в

---

1 ф., 7) мыла 1/4 ф., 8) кофе 1/4 ф. и 9) спичек 2 кор. Г) усиленный паек № 3 из 1) хлеба 60 ф., 2) мяса-рыбы 15 ф., 3) жиров 1½ ф., 4) сахару 1½ ф., 5) овощей 30 ф., 6) соли 1 ф., 7) мыла 1/4 ф., 8) кофе 1/4 ф. и 9) спичек 2 кор. Д) усиленный паек № 4 из 1) хлеба 75 ф., 2) мяса-рыбы 30 ф., 3) жиров 6 ф., 4) сахару 1½ ф., 5) овощей 40 ф., 6) соли 2 ф., 7) крупы 15 ф., 8) мыла, кофе, спичек то самое, что № 3.

том факте, что после ликвидации частной собственности на орудия и средства производства и частно-торгового аппарата в первый раз был выдан классовый паек.

5.

Но заработная плата, как экономическая категория капиталистической системы производства, оставалась существовать в денежной ее форме. Если денежные тарифы в порядке общего механического повышения ставок не поднимались с сентября 1919 г., то, однако, денежная форма заработной платы, несмотря на продолжающееся обесценение денег, окончательно не замерла, так как получала подкрепление в системе денежного премирования. Но вместе с тем денежная заработная плата, хотя и в виде поощрительных систем, в виду общей незначительности ее реального содержания переставала существовать, как фактор, влияющий на производительность труда и на организацию производства. Между тем, расшатываемое продолжающейся войной производство требовало серьезных мер, которые были бы направлены к поднятию производительности труда. В денежной заработной плате с отмиранием всей товарно-денежной системы такой меры найти нельзя было. Действительной мерой могла быть лишь натурализация заработной платы, т. е. выдача вместо денег продуктов потребления за затрачиваемый труд в зависимости от производительности.

Вопрос борьбы с экономической разрухой, вопрос поднятия производительности труда явился и является вопросом существования Советской Республики. Интересы рабочего класса требовали высшего напряжения сил, максимума производительности. Надо было бы так построить снабжение, чтобы теплее одеть, лучше накормить того рабочего, который более напряженно работает, который больше пользы приносит своей рабочей республике.

Проблему распределения надо было связать и связать тесней с проблемой производительности. Это стало ясно. На этот путь впоследствии стали профессиональные союзы.

III Всероссийский с'езд профессиональных союзов, происходивший в апреле 1920 г., признал, „что дальнейшее повышение денежной оплаты труда ни в какой мере не может служить выходом из тяжелого экономичекого положения трудящихся масс".

В основу дальнейшей политики надо положить „установление системы снабжения трудящихся продовольствием и предметами первой необходимости в зависимости от производительности и хозяйственной важности их труда для государства (целевое снабжение)". Но этого было мало. Здесь увязка с производительностью была слишком слабая. Опыт трудового пайка, который был введен декретом СНК от

30 апреля 1920 г., это впоследствии подтвердил. Необходима была более тесная увязка между распределением и производительностью, чем то могло дать целевое снабжение. III Всероссийский с'езд учел и это обстоятельство, когда, указывая, что „премиальная система должна быть самым тесным образом связана с системой снабжения рабочих, так как только при этих условиях премиальная система может дать наибольшую производительность труда", он постановил: „снабжение трудящихся должно стать основной частью премиальной системы"[1]). Это означало стать на путь натурального премирования, т.е. расплачиваться с рабочими продуктами потребления сверх получаемого ими основного гарантированного наркомпродовского пайка в зависимости от увеличения производительности сверх определенных норм выработки.

Более определенно и более решительно на путь натурализации заработной платы стала V конференция профессиональных союзов, происходившая в ноябре 1920 г. К этому времени союзы уже становились на путь не только эластичного целевого снабжения, не только частичной натурализации заработной платы в виде натурального премирования, но брали курс на полную увязку проблемы распределения с задачами поднятия производительности труда. Пайковое снабжение к тому времени уже составляло крупнейшую часть „заработной платы" в рабочем бюджете. Это снабжение развертывалось вне всякой связи от общей политики союзов и производительности труда. V конференция профессиональных союзов, считая одной из важнейших задач рабочего класса выполнение производственного плана и и поднятие производительности труда, дает директиву профессиональным союзам не только „приложить все усилия к более быстрому переходу от поощрительной денежной к поощрительной натуральной оплате труда", но также указывает, что союзам надлежит в общий тариф, на ряду с действующими ставками (денежными), включить соответствующие нормы предметного обеспечения, при чем натуральное премирование и частичная натурализация заработной платы должны постепенно превращаться в систему снабжения рабочих в зависимости от высоты производительности труда[2]). Стало быть, проблема полной увязки снабжения рабочих с произведственными задачами рабочего класса по-

---

[1]) См. резолюцию III Всероссийского с'езда профсоюзов по докладу т. Шмидта о задачах тарифной политики. „Резолюции постановления III с'езда профсоюзов", издание ВЦСПС., Москва. 1920 г. стр. 35, 36.

[2]) См. резолюции V Всероссийской конференции профсоюзов по докладам т. Рудзутака о произведственных задачах профсоюзов и т. Гольцмана о тарифной политике профсоюзов. „Резолюции V Всер. конф. профсоюзов", издание ВЦСПС, Москва, 1920 г. стр. 11-13.

лучила свое принципиальное разрешение в признании необходимости полной натурализации заработной платы. Государственное снабжение рабочих в форме полной натурализованной заработной платы целиком соответствовала производственным задачам рабочего класса.

Но на этот путь мы в эпоху военного коммунизма всецело перейти не успели; для этого, кроме всего, не хватало ни материальных, ни продовольственных рессурсов; мы успели лишь осуществить натурализацию премии.

Попытки натурального премирования делались еще и в 1919 году. Необходимость и целесообразность „совмещения“ снабжения рабочих с производительностью их труда для достижения максимума результатов в деле поднятия производительности были Всероссийским союзом рабочих металлистов осознаны еще в 1919 году, когда вопросам осуществления натурализации заработной платы уделялось, не в пример 1918 году, должное внимание. На некоторых заводах (Тульский оружейный и Подольский патронный) было введено натуральное премирование, правда, только в виде опыта[1]).

Но планомерный характер натуральное премирование приняло, когда в эту сторону был сделан решительный поворот.

Сначала натуральное премирование проводилось Комиссией Использования при ВСНХ. Первое массовое натуральное премирование было введено ею с июня 1920 г. на железнодорожном транспорте[2]). Впоследствии натуральное премирование было расширено и введено в систему декретом СНК от 8 июня, который (СНК) проведение этого натурального премирования возложил на „особое междуведомственное совещание по натуральному премированию“. Фактическое широкое натуральное премирование в промышленности (не считая железнодорожный транспорт) началось с октября 1920 года и мартом 1921 г. кончилось совершенно неожи-

---

[1]) См. „Отчет ЦК. Всероссийского союза металлистов“, помещенный, как приложение, к отчету ВЦСПС за 1919 г.

Отчет Всерос. Центр. Совета профсоюзов', издание ВЦСПС, Москва, 1920 г. стр. 189, 190.

[2]) Этому натуральному премированию предшествовала подготовка и разработка ЦК союза совместно с НКПС плана и факторов премирования. Это премирование совпало с знаменитым приказом 1042 о плане ремонта паровозов на вторую половину 1920 г. На это премирование было отпущено 40 мил. арш. хл. бум. ткани, 132 тыс. пуд. соли и 10 мил. кор. спичек. В натуральное премирование на транспорт было включено 1.230.783 рабочих и служащих. С 1 июня была также включена в натуральное премирование и военная группа заводов с количеством рабочих и служащих 71.600.

данно разразившимся знаменитым продовольственным кризисом в феврале[1]).

6.

Подводя итоги эволюции форм заработной платы за период военного коммунизма, следует прежде всего отметить те конкретные изменения, которые совершились от начала к концу периода. От чисто денежной формы в начале мы к концу пришли к смешанной, т. е. денежной вместе с натуральной, с большим, громадным перевесом на стороне последней. Заработная плата в денежной ее форме к концу периода не имела уже какого-нибудь более заметного значения, она и экономически и психологически почти совсем была вытеснена из жизни рабочего.

Двумя потоками, по двум руслам шла смена форм заработной платы от денежной к натуральной. По одному руслу, как мы видели выше, одновременно с тем, как потоком быстро уносилась денежная форма заработной платы, не менее быстро в то же самое время также уничтожалась и сама заработная плата как экономическая категория капиталистической системы производства, т. е. уничтожался товарный характер рабочей силы и, следовательно,—заработная плата, как ее рыночная цена.

Вслед за денежной заработной платой на смену ей приходило государственное, потребительского характера, распределение общественной продукции, как социальное обеспечение рабочих, труд, рабочая сила которых принадлежала обществу в лице его пролетарского государства.

Переход, перекочевывание от капитализма к социализму в экономике, складывающееся на социалистический лад наше хозяйство создали надлежащие предпосылки для уничтожения, по крайней мере, в „социализирующемся" хозяйстве, купли и продажи рабочей силы и замены их (купли—продажи) трудповинностью и воспроизводством рабочей силы государственным натуральным снабжением, т. е. распределением известной части национального дохода.

Труд, как и промышленность, был национализирован. Как на мертвые орудия и на средства производства, была отменена, если так можно выразиться, и частная собственность на труд. Труд принадлежал трудовому рабочему госу-

---

[1]) Речь, понятно, идет о наркомпродовском натуральном премировании по временному положению Совнаркома от 23 октября 1920 г.

В это натуральное премирование было включено (считая и железнодорожников): до октября 1.538.538 чел. (из них железнодорожников—1.230.382, октябрь-декабрь—2.087.418, январь-март—1.066.946.

См. „Отчет ВЦСПС". (март 20 г. — апрель 1921 г.), издание ВЦСПС) Москва, 1921 г. стр. 16-57.

дарству, он был величайшим его достоянием. Государство распределяло рабочую силу, оно ее использовывало в классовых интересах рабочего государства, оно и заботилось о сохранении и восстановлении этой рабочей силы. И не даром, и не в терминологии было дело, вместо бирж труда мы имели отделы учета и распределения рабочей силы, а вместо социального страхования,—социальное обеспечение. А поскольку это так, а это было именно так, рабочая сила переставала быть товаром и, следовательно, отмирала заработная плата, как система, как форма платежа за этот товар. Переход от заработной платы к государственному распределению общественной продукции совершался так же, как и совершалась смена производственных отношений от капитализма к социализму. Это процесс происходил, своим путем совершался, а затем, в будущем, мыслилось „от каждого по способностям и каждому по потребности". Но этот грандиознейший процесс совершался в обстановке жесточайшей войны и величайшей экономической разрухи, и никакой речи о практическом осуществлении формулы „от каждого по способностям и каждому по потребности" не могло быть. Наоборот. От каждого требовалось больше его способностей и сил, каждому могло быть представлено меньше, гораздо меньше его потребности. Требовалось величайшее напряжение труда, самоотверженность, героизм, но снабжение рабочих не было и не могло быть достаточным.

Это снабжение было ограничено иссякающимися ресурсами разоренной и вынужденной воевать с классовыми врагами страны, и оно поэтому не могло полностью компенсировать труд. Приходилось существовать на ограниченном потреблении, поскольку ограничение потребления было неизбежно в силу экономической разрухи и поскольку оно было необходимо и должно было быть проведено во что бы то ни стало во имя спасения и победы первой Советской Республики.

Так в переходной период, в стадии военного коммунизма, шла смена денежной формы заработной платы параллельно с отмиранием заработной платы, как таковой, вообще. Но заработная плата не окончательно была ликвидирована. Она, во-первых, сохранилась в денежной ее форме, во-вторых, перерождалась в натуральное премирование, когда уже по другому руслу шла лишь замена только форм заработной платы от денежной к натуральной. И это не было случайно, это лежало в нашей экономике, которая не была и не могла быть чисто социалистической. Мы на ряду с социалистическим хозяйством имели и крестьянское замкнутое натуральное хозяйство и мелкое товарное производство, крестьянское (все те, которые продавали хлеб) и ремесленное. И неудивительно, что на ряду с государственным

распределением мы имели нелегальные товарные рынки. Этим ирынками пользовались отчасти и рабочие. Ведь существовавшая и осуществлявшаяся нами денежная заработная плата в условиях полной бесплатности абсолютно всех выдач и услуг, оказываемых государством рабочим, свидетельствовала о том, что нелегальные рынки, торговля, и следовательно, капитализм, частички капитализма, нами признавались. Можно абстрагировать экономические явления, но нельзя изолировать экономику, нельзя не признавать экономическую действительность. Мы не имели и далеко еще не имели полного социализма. Мы имели частички социализма и частички капитализма. И еще. Небезизвестно, что рабочие и при трудовой повинности, при национализации труда, часть его, однако, отдавали на стороне кустарному производству, мелко-промышленному, и частным подрядчикам. Стало быть, на ряду с товарными рынками существовал и нелегальный рынок труда, т. е. существовала рабочая сила, как товар. А поскольку существовал и рынок труда и рабочая сила в товарной форме, постольку не могло не быть и заработной платы, как рыночной ее цены. Следовательно, о полном уничтожении заработной платы не могло быть и речи, для этого не было предпосылок в нашей экономике.

Проблема производительности труда при недостаточном воспроизводстве в условиях военного коммунизма рабочей силы требовала придачи государственному снабжению формы и характера заработной платы. Трудно судить, как бы была связана проблема производительности труда с государственным распределением общественной продукции, если бы государственное снабжение было достаточно для полного воспроизводства рабочей силы. Этот вопрос требует особого изучения, чрезвычайно трудного, так как опыта у нас для этого не было. Но ясно, что то экономическое положение, которое сложилось в эпоху военного коммунизма, требовало в целях поднятия производительности труда придачи государственному снабжению формы и характера заработной платы, т. е. характера оценки рабочей силы по ее производительности и по степени ее использования. Заработная плата в денежной ее форме в связи с отмиранием денежной системы вообще не могла служить этим целям, и мы переходили к натурализации заработной платы.

Так по двум руслам двумя потоками шла в периоде военного коммунизма смена форм заработной платы от денежной к натуральной. Понятно, что разница между нашей натурализованной заработной платой и натуральной оплатой, так-называемой „трюк-систем“, в капиталистическом производстве была так же громадна, как разница между социалистическим и капиталистическим производством, как различие между диктатурой пролетариата и диктатурой

буржуазии. Там, в царстве капитализма, она была системой порабощения и закабаления рабочих в целях не только извлечения для капиталистов прибавочной ценности, но и для получения торговой прибыли. Здесь же, в складывающемся на социалистический лад хозяйстве, ничему этому не было и не могло быть места. Здесь мы имели массовый организованный своим пролетарским государством трудовой под'ем свободного от капиталистической эксплоатации рабочего класса. Здесь не было капиталистической прибавочной ценности, капиталистической прибыли. Весь продукт труда являлся общим достоянием своей государственной организации, которая за покрытием общих государственных, т. е. производимых в классовых интересах рабочего класса, расходов, производила распределение общественной своей продукции в форме, наиболее соответствовавшей, на данной стадии развития производственных отношений, жизненным интересам рабочих, интересам существования и сохранения рабочего класса в условиях жесточайшей разрухи.

Глава III.

Формы заработной платы при новой экономической политике.

1.

Мы выше видели, как гражданская война, блокада и голод, который был вызван тем, что страна была отрезана от хлебородных областей, вынуждали форсировать процесс полного огосударствления всех экономических функций страны, ввести разверстку, национализировать даже кустарную промышленность и сковать всякий оборот в стране,—во имя того, чтобы спасти рабоче-крестьянскую власть. Страна находилась на положении блокированной, осажденной крепости и другого выхода к победе не было. Необходимо было все собрать, забрать, сосредоточить в своих руках, чтобы в условиях неслыханного разорения обеспечить армии и рабочим полуголодное, а в действительности хуже, чем полуголодное, существование. И поэтому военный коммунизм был необходим, он был вынужден войною и разорением.

„Своеобразный военный коммунизм состоял в том, говорит т. Ленин в своей брошюре о продналоге, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих". Эта политика вызвала сильное сокращение посевной площади, сокращение среднего урожая и возрождение самых примитивных форм крестьянского кустарничества, крестьянского замкнутого хозяйства, поскольку государство не давало и не могло дать в обмен на хлеб продукты промышленности и забирало хлеб поэтому даром или в долг, как выразился т. Ленина. В условиях блокады, когда страна была осаждена, со всех сторон отрезана от всего мира, от хлеба, от угля и нефти, разрушенною войной и революцией промышленность восстанавливать нельзя было и крестьянину давать было нечего. Эта политика, политика военного коммунизма, не соответствовала экономическим задачам рабочего класса, ибо „правильной политикой пролетариата осуществляющего свою диктатуру в мелкой крестьянской стране, является обмен хлеба на продуты промышленности, необходимые крестьянству" [1]).

---

[1]) См. брошюру т. Ленина о продналоге.

Но эту правильную политику в осажденной крепости осуществлять, как мы видели, было нельзя. В результате— разорение крестьянства усилилось, развал хозяйства продолжался, восстановление крупной промышленности оттянулось. Но пока велась гражданская война, рабочий класс нес все эти огромные лишения, связанные с развалом хозяйства, понимая, что в первую очередь необходимо думать о защите страны. Но с окончанием гражданской войны, когда вопрос о защите страны потерял свою остроту, и когда хлеб, уголь и нефть стали советскими, проблема экономической политики, отвечающей хозяйственным задачам пролетариата, в том определении, какое ей дал тов. Ленин в вышеприведенной цитате из его брошюры о продналоге, стало во весь рост. Необходимо было, опять-таки во имя спасения советской власти, в целях восстановления крупной промышленности и установления правильных экономических отношений между крестьянством и рабочим классом для сохранения диктатуры последнего, перейти от политики „военного коммунизма" к так-называемой новой экономической политике, первым шагом которой была замена разверстки — продналогом. Продналог означал оставление в руках крестьянина излишков хлеба в полном его распоряжении после выполнения налога. Но эти излишки имели смысл и значение не только как средство для увеличения нормы потребления крестьянина, но и, *если не главным образом, для восстановления и расширения его хозяйства. Для этого нужно было представить возможность обменивать излишки хлеба на необходимые крестьянину продукты городской промышленности.* Крупная промышленность, требующая колоссальных средств для своего восстановления, обслуживать крестьянство в первую минуту введения продналога не могла бы. Отсюда предоставление возможности развития и поощрения мелкой промышленности, отсюда свободная торговля, отсюда, следовательно, развитие капитализма и неминуемый возврат к товарному хозяйству с его спутником— денежным обращением. Таков должен был быть и был ход развития новой экономической политики. *Стало быть, и эволюция форм заработной платы, в условиях новой экономической политики должна была итти в обратном направлении от натуральной или, вернее, смешанной к чисто денежной.*

Одновременно с этим, или еще ускореннее, должна была возрождаться заработная плата, как таковая, и прекращаться государственное распределение в форме социального обеспечения, несвязанного с производительностью труда и несоответствующего обстановке товарного хозяйства. Оба эти процесса, начиная с апреля 1921 г., почти полностью завершились лишь в начале 1923 г.

2.

Мы уже упомянули, что обратное движение форм заработной платы завершилось не сразу. Оно длилось довольно продолжительное время, имело на своем пути разные этапы, а в первое время даже продолжало старый путь, то есть, шло по направлению к натурализации заработной платы. Это все было связано с тем, как и каким темпом развивалась наша экономика в новых условиях.

Сперва проследим обстановку после первого шага новой экономической политики, т. е. после замены продразверстки продналогом. Хлеба в руках государства было чрезвычайно мало, всем памятен этот острый продовольственный кризис в феврале 1921 г., сорвавший наркомпродовское натуральное премирование, до крайности урезавший общее продовольственное снабжение рабочих. Но и в стране, т. е. на руках у крестьянства, после малоурожайного 1920 г. хлеба было тоже мало, голод в деревне уже начинался. В таких условиях обмен между городом и деревней мог происходить на чрезвычайно узкой базе и только в порядке товарообмена и товарообмена организованного, но не путем денежного обращения, поскольку последнее было окончательно растроено и „дискредитировано". Продуктов промышленности в вольном обороте тоже почти не было, государственная же промышленная продукция на вольный рынок в продажу не выпускалась.

Государственная промышленность на первом этапе развития нэп'а оставалась на старых позициях. Централизованное управление промышленностью, государственное снабжение промышленности из отдельных разных органов материалами, орудиями производства, сырьем, топливом, продовольствием, финансами (последние в главной массе на заработную плату) и рабочей силой и, наконец, государственное централизованное распределение готовой промышленной продукции,—это все осталось. Изменение начиналось с того лишь момента, когда государственная промышленная продукция обращалась на заготовку сельскохозяйственной продукции. Но здесь, как мы увидим ниже, место разверстки заняли налог и товарообмен. Стало быть, для восстановления денежного обращения наша экономика тогда еще не созрела, хотя новая экономическая политика, как выше было указано, неминуемо к этому должна была привести. Такова была экономическая обстановка. А какова же была политика? *Первые шаги новой экономичекой политики были направлены на организацию государственного и кооперативного товарообмена между городом и деревней, при чем вольный обмен допускался только «в пределах местного хозяйственного оборота».*

Декрет ВЦИК о замене продразверстки продналогом в полном совпадении с резолюцией 10-го с'езда партии по этому вопросу говорит, что после сдачи налога все запасы продовольствия могут быть крестьянством использованы и „для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности", при чем „обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах". Мы здесь имеем обмен в пределах личного потребления, ограниченный местным оборотом, местным базаром. Это обмен „на карманные расходы"; никакого широкого товарооборота, т. е. никакой широкой торговли, требующей вольного, безграничного и безпрепятственного передвижения и не укладывающейся в узкие рамки местного оборота, на такой базе развить нельзя было бы и, следовательно, не могло иметь место и возрождение и восстановление денежного обращения. Широкая заготовка хлеба, серьезный обмен с крестьянством мыслился в порядке государственного товарообмена. „Тем земледельцам, которые излишки пожелают сдать государству, в обмен на эти добровольные сдаваемые излишки должны быть предоставлены предметы широкого потребления и сельскохозяйственного инвентаря" (Декрет ВЦИК о продналоге 21-го марта 1921 г.). Для этого „создается специальный фонд предметов сельско-хозяйственного инвентаря и предметов широкого потребления", говорит резолюция 10-го с'езда партии о замене продразверстки продналогом.

Мы хотели задержаться на товарообмене, как на социалистической системе товарооборота.

Резолюция о новой экономической политике экстренной партийной конференции, происходившей 26—28 мая 1921 года, это подтверждает. Резолюция указывает, что „создание вполне устойчивой формы экономического союза между пролетариатом и крестьянством на период перехода от капитализма к социализму невозможно без установления систематического товарообмена или продуктообмена между промышленностью и земледелием".

„Основным рычагом новой экономической политики, говорит резолюция, признается товарообмен".

Тов. Ленин в своей брошюре о продналоге в заключение говорит: «*Продналог есть переход от военного коммунизма к правильному социалистическому товарообмену*», а несколько раньше еще более ярко и более детально указывает: „*продналог есть одна из форм перехода от своеобразного „военного коммунизма", вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену.* А этот последний в свою очередь *есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства, к коммунизму*" (курсив мой.—Ф. Р.). Стало быть,

и социалистический продуктообмен рассматривался Лениным, как переходная форма от „своеобразного крестьянского“ социализма к коммунизму. Но продналог был еще более низкой ступенью; он рассматривался, как переходная форма к социалистическому продуктообмену. К тому, чтобы задержаться на этом последнем, была направлена новая экономическая политика в первый ее период.

3.

В таких условиях, в условиях местного хозяйственного оборота, с одной стороны, и социалистического продуктообмена, с другой, удобной почвы для восстановления и возрождения денежного обращения не могло быть и, следовательно, не могло быть и речи о заработной плате в денежной форме. И профессиональные союзы, руководившие всецело политикой заработной платы, считая необходимым улучшение положения рабочих, на путь повышения денежных тарифов не стали. Эта политика получила полное подтверждение на 4 ом Всероссийском с'езде союзов, происходившем в течение первого периода новой экономической политики. С'езд указал, что „в условиях гигантского падения покупной способности бумажных денег это (политика сохранения крупной промышленности и занятого в ней индустриального пролетариата.—Ф. Р.) *означает прежде всего переход к натурализации заработной платы, вернее к замене денежной формы снабжения рабочего класса материально-вещественным государственным снабжением*“ [1]. (курсив мой.—Ф. Р.).

Но мы знаем, что продовольственный кризис урезал государственное снабжение и сорвал натуральное премирование. Пополнение государственных продовольственных запасов предпринималось путем организации обменного фонда [2], но этого нужно было бы долго ждать. Между тем, улучшение положения рабочих требовалось немедленно. При наличии свободных, хотя еще и не очень широких, рынков этого можно было бы достигнуть и без государственного снабжения, путем наделения рабочих „покупательной способностью“, т. е. соответствующими, легко реализуемыми средствами. Деньгами, как мы видели, этого сделать было нельзя; необходимо было временно до сбора государством достаточного хлебного фонда наделить рабочих в порядке заработной платы товарами, чтобы они могли

---

[1]) См. резолюцию 4-го с'езда союзов о тарифной политике п. 2 „Резолюции 4-го Всероссийского с'езда профессиональных союзов“ (18—25 мая 1921 г.) Издание ВЦСПС, Москва 1921 г. стр. 20.

[2]) См. резолюцию экстренной Всероссийской конференции РКП (26—28 мая 1921 г.) о новой экономической политике.

немедленно покрыть первые свои потребности в хлебе путем самостоятельного обмена. Надо было для рабочих создать нечто такое, что по форме, если не по существу и об'ему, соответствовало бы излишкам у крестьян от продналога в рамках местного хозяйственного оборота. Надо было рабочим дать, если так можно выразиться, в зависимости от их производительности „продналог“ от промышленности, чтобы они его могли обменить на излишки от продналога у крестьян. Такая комбинация, полностью соответствовавшая в тех условиях интересам рабочих и свидетельствовавшая о необычайной чуткости советской власти и профессиональных союзов к потребностям рабочих, нашла свое осуществление в натуральном премировании продуктами собственного производства, которое было введено по предложению союзов декретом Совнаркома от 7-го апреля 1921 г.

Место наркомпродовского натурального премирования, сорвавшегося в апреле, заняло с мая месяца натуральное премирование посредством выдачи рабочим части производимых ими продуктов для обмена на предметы сельско-хозяйственного производства. Для натурального премирования рабочих таких предприятий, которые вырабатывают предметы не могущие итти в обмен, допускалась выработка на этих предприятиях предметов широкого потребления в отдельных цехах, на свободных станках вне урочное время, а также путем выделения для этой цели особых групп рабочих. Продукты собственного производства, подлежавшие выдаче рабочим в порядке натурального премирования, отчислялись в особый фонд натурального премирования этого предприятия. Образованный таким путем особый фонд натурального премирования передавался местному кооперативному об'единению рабочих для обмена на сельско-хозяйственные продукты. Полученные от обмена продукты раздавались рабочим в зависимости от величины натуральной премии каждого из рабочих в обменном фонде или непосредственно в зависимости от их производительности за тот период, за который была отчислена натуральная премия.

Но первые, по крайней мере, два месяца введения натурального премирования рабочие должны были бы ждать, ничего не получая, так как фонд натурального премирования, не считая времени, потребного для его реализации и распределения, мог быть образован лишь по истечении, минимум, одного месяца, когда бы выяснилось за данный период производительность труда рабочих. Следовательно, необходимо было в счет фонда натурального премирования авансировать рабочих тем или иным путем, главным образом, товарами. В этих целях постановлением Совнаркома от 13 мая 1921 г. „об обменном фонде рабочих и служащих“ и был образован продовольственный авансовый

обменный фонд для заготовки продовольствия рабочим и служащим, состоящим членами профессиональных союзов. Обменный авансовый фонд состоял из денежных знаков и товаров и был отпущен в распоряжение временного рабочего кооператива при Центросоюзе. Этот фонд был расписан для обмена по производящим губерниям, при чем обмен должен был происходить по установленным примерным средне-районным эквивалентам. Продукты продовольствия, полученные путем обмена авансового фонда, выдавались кооперативам предприятий и учреждений в счет и в обмен их фондов натурального премирования.

Натуральное премирование продуктами собственного производства нашло быстрое, широкое и повсеместное применение и дало в общем большие и лучшие результаты, чем наркомпродовское натуральное премирование периода октябрь 1920 г.—март 1921 г. О натуральном премировании продуктами собственного производства, как и о наркомпродовском натуральном премировании, мы поговорим еще отдельно при разборе систем заработной платы, но здесь достаточно уже сказанного, чтобы уяснить, что *в первый период нэп'а натурализация заработной платы в виде натурального премирования осталась той же, что в последний период военного коммунизма, с той лишь разницей, что под натуральным премированием была подведена новая база.*

В общем, формы заработной платы в первый период нэп'а, в период „социалистического продуктообмена“, задержались на старых позициях конца военного коммунизма. Мы имели при последнем, как известно, следующие виды: 1) бесплатное снабжение рабочего и его семьи пайком, жилищем, одеждой, коммунальными услугами, бесплатный транспорт, бесплатное удовлетворение культурных потребностей и т. п. 2) денежная, крайне незначительная, заработная плата и 3) натуральная, более значительная, заработная плата в порядке натурального премирования. То же самое мы имели и в первый период нэп'а, с той лишь разницей, что начинала серьезно усиливаться натуральная часть заработной платы за счет сокращения и прекращения в отдельных случаях бесплатного пайкового снабжения рабочих продовольствием. Но в этом усилении натуральной части заработной платы происходило не движение форм заработной платы от денежной к натуральной, а здесь шел процесс по другому руслу самой натурализации, т. е. шел процесс ликвидации натурализованной „зарплаты“ в виде социального обеспечения с заменой его натуральной заработной платой, при которой снабжение рабочих ставилось в исключительную зависимость от их производительности труда.

Вопрос полного сцепления производительности труда с рабочим снабжением был для производства вопросом

жизни. Несомненно, что задача поднятия производительности при нашей общей технической отсталости и некультурности и при сильной деквалификации рабочей силы являлась чрезвычайно затруднительной и сугубо усложнялась отсутствием связи с рабочим снабжением. Это было верно и для периода военного коммунизма, несмотря на тот большой трудовой энтузиазм, который был проявлен рабочим классом. Тем более это усугубилось с окончанием гражданской войны и переходом к нэп'у, когда на ряду с переменой экономической обстановки могла выявиться и выявилась сильная усталость рабочих. Необходимо было одновременно улучшением общего положения рабочих принять меры, связывающие это улучшение с поднятием производительности труда. И спор на 4-м Всероссийском с'езде профессиональных союзов о коллективном снабжении был спором о том, следует ли выдачу продовольствия и предметов широкого потребления производить в качестве заработка, в прямой зависимости от производительности предприятия и работников, или оставлять старый порядок социального обеспечения. То был спор между принципами социального обеспечения в производстве и заработной платой.

4-й с'езд союзов, признавая необходимым в принципе „приведение в соответствие величины снабжения с производительными результатами", однако, решил, что на ближайшее время хозяйственная обстановка в стране заставляет „сохранить в основе для рабочих и служащих национализированных предприятий и учреждений гарантированное государством снабжение продовольственным пайком". Но вместе с тем с'езд указал, что „вышеуказанную систему распределения (т. е. в зависимости от производительности труда.—Ф. Р.), необходимо провести в виде опыта на некоторых предприятиях" [1]).

Нерешительность с'езда в этом вопросе была исправлена решительностью союзов, которые превратили в правило то, что с'ездом предлагалось провести лишь в виде опыта. Союзы немедленно после с'езда стали стихийно разными путями превращать государственное гарантированное снабжение в натурализованную заработную плату. *И этим усилением натуральной части заработной платы за счет изживания характера собеса из государственного снабжения и отличались формы заработной платы в первый этап нэп'а (апрель—август) от таковых в последний период военного коммунизма.*

---

1) См. резолюцию 4-го с'езда союзов о тарифной политике п. 5 и прим. к п. 3-му.

4.

Нэп в первый этап своего развития главные силы направил на коренное изменение установившихся в период военного коммунизма отношений между городом и деревней. На это изменение были направлены продналог, свобода местного хозяйственного оборота и меры к оживлению и развитию мелкой негосударственной промышленности. *Государственной же промышленности непосредственно первый этап нэп'а почти не коснулся,* она осталась, как мы видели раньше, на старых позициях. Переход в политике от разверстки к социалистическому продуктообмену или товарообмену (что тогда совпадало) для промышленности в узком смысле разницы почти не составляло, так как товарообмен мог совершаться не самой промышленностью, а органом государственной заготовки — Наркомпродом. Постановлением Совнаркома (24-го мая 1921 г.) об обмене „продукты, изготовленные хозяйственными органами Советской власти (идет перечисление всех хозяйственных органов Республики) или находящиеся в их распоряжении, *поступают для товарообмена в товарообменный фонд РСФСР*", *который „находится в ведении Наркомпрода и обращается им в обмен*" (дальше идет указание, в каком порядке идет обмен. Курсив мой—Ф. Р.) [1]. В таких условиях, когда внутренняя структура промышленности оставалась в старых рамках, когда снабжение предприятий абсолютно всем необходимым в силу этой старой структуры было разбито между различными учреждениями и не поставлено в непосредственную связь с производительностью предприятия, с его доходами, с окупаемостью его расходов,—в таких условиях и государственное снабжение рабочих, как одно из живых и самых важных звеньев этой цепи, политически и экономически имело известное своего рода право задерживаться, а в сущности не могло не задержаться, на старых позициях. Это имелось в виду и 4-м с'ездом союзов, когда он считал необходимым сохранить в основе государственное снабжение продовольственным пайком. Но мы в нэп'е на социалистическом продуктообмене долго не задержались. Обмен в пределах местного хозяйственного оборота, расширяясь, с самого начала принял характер самой настоящей торговли, и полностью восстанавливались рынки (в узком и в широком смысле). Государственный товарообмен не удался и с таким громадным количеством мелких товаропроизводителей, как крестьянство, удаться не мог. Товарообмен превращался в простую торговлю, и государство должно было перейти от социалистического продуктообмена к торговле. Этому была посвящена речь

---

1) См. декрет Совнаркома об обмене.—„Новая экономическая политика в промышленности", изд. ВСНХ. Москва, 1921 г., стр. 67.

т. Ленина на губернской конференции московской организации партии. Т. Ленин говорил: „... что заключалось в этом понятии? (товарообмене.—Ф. Р.). Каков, если можно так выразиться, предполагаемый этим понятием план строительства? Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось— сейчас вы это прекрасно знаете из практики—что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что вылился в куплю продажу". „... с товарообменом ничего не вышло, вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля"[1]).

В жизнь государственной промышленности вступил новый фактор—торговля; промышленность с переходом на торговлю вступает в новые связи, в связь с рынком. Рынок на продукцию государственной промышленности, как на любой товар, пред'являет цену, продукция государственной промышленности принимает определенный товарный характер, мы вступаем в ценостные отношения. Все это вместе требует от продукции государственной промышленности наличия своей калькуляции, т. е. знания в первую очередь суммы себестоимости единицы изделия и того, из каких слагаемых она составляется. А более широко—предприятие должно знать свои расходы, должно знать и учесть возможные приходы от продукции и должно, для того, чтобы не быть побитым рынком, быть, по крайней мере на первое время, безубыточным, если не прибыльным. Следовательно, государственную промышленность необходимо было коренным образом реорганизовать, ее необходимо было перевести на хозяйственный расчет и поставить на коммерческие начала. Это, в свою очередь, требовало расширения прав промышленности, децентрализации управления, изменения порядка снабжения и, как следствие, изменения, в пользу промышленности, права распоряжения продукцией.

Уже декретом, опубликованным в конце июля 1921 г., „о расширении прав госпредприятий в области финансирования и распоряжения материальными рессурсами", предприятиям было представлено право пользоваться браком, обрезками и отбросами производства, в случае, если они не поступают снова в производство, а также отчислять некоторую долю производства для расплаты натурой за хозяйственные и мелкие подсобные работы, в том числе с приглашаемыми со стороны грузчиками, возчиками и куста-

[1]) См. речь т. Ленина на московской партийной конференции в заседании от 29 X—1921. „Правда" от 3/XI—1921. № 248.

рями [1]). Но это был первый осторожный, чрезвычайно робкий шаг перевода промышленности на новые рельсы. Дальнейшие более твердые шаги были неминуемы. Уже указ Совнаркома, от 9-го августа, „о проведении в жизнь начал новой экономической политики“ пошел гораздо дальше и несравненно тверже, когда, указывая на тяжелое положение народного хозяйства и на основные черты старой экономической политики, предлагал сосредоточить в своем (государственном) непосредственном управлении отдельные отрасли производства и определенное число крупных или важных с государственной точки зрения предприятий и их перевести на начала точного хозяйственного расчета. Им же предоставить право, в дополнение к тому, что дает государство, *реализовать часть продуктов собственного или подсобного производства в установленных государством пределах* для приобретения недостающих предметов снабжения как внутри, так и за-границей [2]).

По отношению к предыдущему декрету здесь виден громадный шаг вперед. Но и тут сохранился старый порядок снабжения и лишь для пополнения пробелов представлялось право в *известных, разрешенных государством, пределах реализовать часть продукции.* Только, когда промышленность стала строиться в тресты и когда было утверждено положение о первом тресте (льняной трест), по образцу которого строились все остальные, тогда лишь промышленность постепенно, но твердо переводилась на рельсы полного хозяйственного расчета. Тресты получали в свое ведение все имущество предприятий, как относящееся к основному капиталу, так и к оборотному. Все расходы свои они покрывали за счет производства, при чем за все материальные рессурсы, которые трестам могли предоставить государственные распределительные органы и заготовительные, тресты должны были передать государству, по установленным калькуляционным ценам, соответствующую часть своей продукции. В тех случаях, когда государство частично ничем не могло снабжать или, вернее, ничего или почти ничего не могло продавать трестам, последние имели полное право заготовить все необходимое за счет своей продукции, реализуя ее и через частных лиц и на вольном рынке [3]).

[1]) См. декрет „о расширении прав государственных предприятий“, опубл. в „Экон. жизни“ от 26.VII—21 г. № 188 или „Новая экономическая политика промышленности“, сборник декретов, постановлений и т. п. Изд. ВСНХ, Москва, 1921 г. стр. 86—92.

[2]) См. там же, стр. 17—22. Наказ СНК „о проведении начал новой экономической политики“. Или „Правда“ № 176 от 11 августа 1921 г.

[3]) См. „Положение о выделении группы льняных фабрик и порядке управления ими“. Постановление СТО от 8/VIII—21 г. „Новая экономическая политика в промышленности“. Сборник декретов и пост. изд. ВСНХ. Москва, 21 г. Стр. 95—103.

Государственная промышленность здесь только перестраивалась на хозяйственный расчет, отсюда начиналась полным темпом „революция“ во внутренней структуре промышленности, здесь завершался поворот от общего, единного, но разделенного между различными учреждениями, никем не учитываемого в своих приходах и расходах, государственного котла—к строгому хозяйственному расчету каждого отдельного предприятия, каждой единицы изделия.

Очевидно, что при такой структуре промышленности и при работе ее на хозяйственном расчете никакого места для существования самостоятельного, отделенного и отдаленного от предприятия и независимого от производительности государственного снабжения рабочих не могло оставаться. Все, что носит характер социального обеспечения, должно было быть отделено от предприятия, предприятие могло знать только заработную плату, как стоимость рабочей силы на единицу изделия. Хозяйственный расчет без учета и без зачета никому ничего давать не мог, всякий расход должен был быть соответствующе оправдан, соответствующе компенсирован. Стало быть, все, что отпускалось государством рабочему бесплатно, должно было входить в заработную плату, ибо „собес“ находился в полном противоречии не только с задачей поднятия производительности труда, но, не в меньшей мере в своей сущности, и с принципом хозяйственного расчета. *С переходом промышленности на хозяйственный расчет должен был отмереть „собес“, государственное снабжение рабочих должно было превратиться в заработную плату.*

5.

Превращение государственного снабжения рабочих в заработную плату совершалось постепенно, но вместе с тем и довольно быстро, начиная с июля 1921 г. (а фактически и несколько раньше), когда по постановлению Совета Труда и Обороны вводилось „коллективное снабжение рабочих и служащих некоторых предприятий“. Здесь было заложено прочное начало этому превращению. Всякое личное снабжение, как рабочих и служащих, так и членов их семей, кроме детей до 16 лет, по карточкам, спискам и т. д. было отменено. Все снабжение рабочих и служащих как предметами продовольствия и промышленности, так и денежными знаками должно было производиться „исключительно в качестве заработной платы“. Это было начало, но еще не полное превращение. Промышленность еще на хозяйственный расчет не переходила и указанный порядок снабжения вводился „в виде опыта“. По коллективному снабжению бесплатно и совершенно отдельно от предприятия снабжались на старых основаниях дети рабочих и служащих до 16 лет, а также на старых основаниях временно оставалось

обслуживание рабочих и служащих коммунальными услугами (квартира, мебель, освещение, отопление, вода, канализация и пр.). Бесплатно, хотя и в зависимости от общего заработанного предприятием продуктового фонда, снабжались „состоящие на иждивении работников предприятия наличные члены семейств" (кроме детей до 16 лет, которые снабжались в ином, вышеуказанном, порядке[1]). Так что здесь было еще неполное превращение всех натуральных выдач в заработную плату. Несколько позже, когда был преподан Наказ Совнаркома о переводе промышленности на хозяйственный расчет, этот же Наказ в общем виде указал, что „все виды рабочего снабжения, кроме спецодежды, входят в заработную плату" [2]). Таким образом, постепенно, по мере перехода на хозяйственный расчет, государственное снабжение превращалось в заработную плату. Но окончательно оно превратилось в таковую, по крайней мере, в основном, в громадной своей части, лишь тогда, когда промышленность на деле уже начала жить и работать на хозяйственном расчете.

С опубликованием Наказа СНК от 9 августа о переводе промышленности на хозяйственный расчет и о порядке управления переведенными на хозяйственный расчет предприятиями, промышленность быстро стала перестраиваться и организовываться в тресты. Сентябрь—декабрь были переломными и решительными месяцами для промышленности[3]). Эти же месяцы были решительными и для того вида натурализованной заработной платы, которая по существу таковой не была, выдавалась в форме государственного снабжения и по своему характеру была социальным обеспечением. Произошел резкий и решительный перелом, когда Совнаркомом были приняты 16 сентября 1921 г. „Основные положения по тарифному вопросу", предварительно обсужденные и одобренные ВЦСПС и ЦК РКП. Эти основные положения внесли полную ясность в характер натуральных выдач и услуг, которые оказывались государством рабочим. Основными положениями, ставшими историческими на грани двух течений в эволюции и характере натурализации заработной платы, было установлено, что „*в заработную плату должны входить все виды выдач рабочим и служащим*".

---

1) См. постановление СТО „О коллективном снабжении рабочих и служащих некоторых государственных предприятий"—18 июня 1921 г. „Законодат. формах зараб. платы"—издан. ВЦСПС, Москва, 1921 г., стр. 18-22.

2) См. Наказ СНК, „О проведении в жизнь начал новой эконом. политики", „Правда" № 176 от 11 августа 1921 г.

3) За это время было организовано свыше 25 крупнейших, утвержденных президиумом ВСНХ, трестов. Среди них: Льноправление, Химуголь Северолес, Югосталь, ряд текстильных трестов и др. Эти данные не касаются местных трестов.

А дальше, для полной ясности и определенности, основные положения перечисляют детально, что должно входить в заработную плату, а именно: „а) денежная плата, б) квартира, отопление, освещение, водопровод, в) предметы продовольствия и потребления, г) прозодежда, внеплановые выдачи и т. д., д) парикмахерские, бани, театр, продукты с огородов и совхозов и все сделанные предприятиями и учреждениями затраты и прочие услуги, предоставляемые коммунальными отделами, е) средства передвижения: жел. дор., трамвай, грузовой автомобиль и проч., ж) семейные пайки или др. дополнительные к заработной плате, выдаваемые на семью рабочего и служащего“ [1]).

Эти основные положения от 16 сентября были настолько ясны, настолько полно соответствовали состоянию и задачам государственной промышленности, что происходившая вслед за этим 2-я Всероссийская тарифная конференция (21-26 сентября 1921 г.), а также происходивший через месяц (20 октября 1921 г.) первый после 4-го с‘езда союзов пленум ВЦСПС в принципиальной плоскости эти основные положения не обсуждали, а когда говорили о „включении в заработную плату всех натуральных выдач“, о необходимости „пайковое довольствие упразднить“ и когда подтверждали директиву о „немедленном выяснении вопроса о включении всех видов коммунальных услуг в заработную плату“ [2]), то лишь в плоскости практического проведения указанных основных положений.

Фактическое включение почти всех натуральных выдач и услуг главным образом в заработную плату несколько задерживалось, по причинам практического характера, в части коммунальных услуг, но в основном и целом превращение натуральных выдач и услуг из категории социального обеспечения в категорию заработной платы, превращение, имевшее для задачи поднятия производительности труда колосальное значение, было завершено. Независимо от того, какие еще были впоследствии незначительные, мелкие, открытые или скрытые виды бесплатных, т. е., не поставленных в связь с производительностью и общей заработной платой, натуральных выдач или услуг, повторяем, независимо от этого, осенью 1921 года было окончательно порвано с категорией социального обеспечения в заработной плате.

---

[1]) См. Основные положения по тарифному вопросу, принятые СНК 16 сент. 1921 г. „Новая экономическая политика в промышленности“. Сборник декретов и постановлений. Выпуск 2. Изд. ВСНХ. Москва 1921 г.

[2]) См. резолюцию по тарифному вопросу и задачи профессиональных союзов и новая экономическая политика „Пленум ВЦСПС 20. X. 21 г.“ (резолюции). изд. ВЦСПС Москва 1921 г.

6.

Ровно через три года, поставленный в плоскости замены части денежной оплаты натуральной в полной зависимости от производительности труда, вопрос о натурализации заработной платы получил свое окончательное разрешение, с тем, чтобы еще через год уступить свое место чисто денежной оплате (об этой последней речь впереди). И получил он свое разрешение именно *в системе расчета между государством и рабочими за выдаваемые или оказываемые последним натуральные выдачи и услуги, т. е. постоянные выдачи или услуги сопровождались соответствующими вычетами из заработной платы, которая для легкости и удобства расчета имела денежное выражение, как счетная единица.* „Основные положения" от 16-го сентября и позднейший Наказ ВЦСПС от 1-го декабря 1921 г. говорят: „заработная плата должна иметь чисто денежное выражение".[1]... „Заработок работников погашается: 1) продуктовым пайком, 2) прозодеждой, 3) предметами широкого потребления, 4) коммунальными услугами, 5) дензнаками"... „Продукты засчитываются в последнюю (заработную плату—Ф. Р.) по той стоимости, по какой определялся средний размер оплаты, (т. е. по рыночной,—Ф. Р.). Прозодежда и предметы широкого потребления засчитываются в заработную плату по тем же ценам, что и продовольствие. Коммунальные услуги засчитываются по ценам, устанавливамым для данной местности особо... та часть заработной платы, которая не покрыта продовольственными и прочими выдачами, а равно коммунальными услугами, выплачивается дензнаками".[2]).

Стало быть, натурализация заработной платы на основе строгой зависимости от производительности труда была проведена в виде замены части денежной оплаты натуральной. Круг был завершен. Натурализация заработной платы, в виде безвозмездного, независимого от трудовых моментов, снабжения натурой, которая несла с собой уничтожение заработной платы, как экономической категории капитализма, совершив круг от денежной заработной платы к частичному социалистическому распределению общественной продукции, себя ликвидировала, соединившись с той формой натурализации заработной платы, которая проводилась в виде замены части денежной оплаты за труд натуральной. С этого времени мы имеем перед собою не две, отличающиеся друг от друга формой и, главным образом, противоположностью

---

[1]) Это в Наказе. В „Основных положениях от 16-го сентября сказано: „все виды получаемых государственных услуг (натуральных выдач) оцениваются по рыночным ценам".

[2]) См. Наказ ВЦСПС. о проведении новой тарифной системы. Изд. РИО ВЦСПС, Москва 1921 г., стр. 10-12.

характеров, разновидности натурализованной заработной платы, разбившие процесс смены форм заработной платы на две линии, на два различных по своему характеру русла, а одну, позволяющую, не отвлекаясь в сторону самой проблемы заработной платы, проследить в дальнейшем эволюцию форм заработной платы в чистом виде.

Второй год нэп'а, приблизительно август-сентябрь 1921 г.,—первые месяцы 1922 г.—был периодом резкой, коренной реорганизации и перестройки промышленности, применительно к государственно капиталистическим отношениям в условиях — и это нельзя никогда упускать из виду,— политической власти и государственного аппарата нахождение в руках рабочего класса, т. е. в условиях диктатуры пролетариата.[1]) Эта перестройка выразилась в том, что от концентрации в руках государства всех средств производства, всех хозяйственных единиц до самых мелких, мы перешли к сосредоточению в его руках лишь наиболее важных отраслей промышленности с переводом их на хозяйственный расчет, на коммерческие начала, что в условиях предоставления им права самостоятельной реализации своей продукции ставило государственные предприятия в товарные отношения как между собою, так и с вольным рынком. Все это означало, что государственная промышленность с социалистической системы производства переводилась на товарные рельсы и что мы возвращались к товарному хозяйству. Социалистический продуктообмен уступал место государственной и частной торговле. Вместе с возрождением и расширением товарных рынков, с привлечением и развитием частного капитала оживал и становился вполне легальным существовавший частично и в эпоху военного коммунизма нелегальный рынок труда. А поскольку это так, рабочая сила полностью становилась предметом купли и продажи, превращалась в товар. Стало быть, включение в заработную плату всех натуральных выдач или, иначе говоря, ликвидация частично-социалистического распределения общественной продукции было и теоретически неизбежно. Экономическая же необходимость, задача поднятия производительности труда и хозяйственный расчет этого требовали с неоспоримой ясностью. Это было вопросом жизни. Лишь во включении всех натуральных выдач в заработную плату получила разрешение проблема увязки снабжения рабочих с задачей поднятия производительности, труда — одной из основных задач революции.

---

[1]) Наш государственный капитализм в корне отличается от, примерно, государственного капитализма Германии во время империалистической войны. Там он был высшей формой организации капитализма в интересах капитала, у нас это первая ступень к социализму в интересах рабочего класса.

И в эпоху военного коммунизма не было бы большим противоречием нашему экономическому укладу, если бы мы связали снабжение рабочих с результатом труда, т. е. если бы мы сохранили за рабочим снабжением внешнюю привычную форму заработной платы, тем более, что заработная плата не только по форме, но и по существу, а именно в денежной ее форме, а затем и в форме натурального премирования, отчасти сохранилась.

7.

Подводя итоги эволюции форм заработной платы в эпоху военного коммунизма, мы указывали, что от полного социализма в целом мы в тот период были еще очень далеки, *что мы имели элементы социализма в капиталистическом окружении внутри, в самой экономике страны.* Стало быть, не было бы в теоретической схеме большого несоответствия, если бы мы, при нашей технической отсталости и минимуме производительности труда, распределение общественной продукции, оставшейся за покрытием военных расходов, производили в оболочке заработной платы в зависимости от производительности труда и если бы мы, в этот тягчайший для революции период, вместо уравнительного в действительности и „каждому по потребностям" распределения, поставили „каждому по заслугам" перед революцией, что вполне совпадало бы с проводимым нами лозунгом „кто не работает, да не ест". И по существу это не было бы заработной платой в капиталистическом понимании, это являлось бы особой, вызванной экономической обстановкой и всей совокупностью интересов революции и рабочего класса, системой распределения общественной продукции в обстановке первичного периода. Но страна была так истощена, мы были так бедны, что практически провести это не было возможности. Поставить снабжение в зависимости от результатов труда значило бы иметь дело в политике распределения с неизвестной величиной и притом с относительно неограниченным потреблением, что в условиях гражданской войны, внутренней экономической разрухи, внешней блокады и несовершенства аппарата было совершенно не осуществимо. Чрезвычайная скудность рессурсов страны, война с неминуемым ограничением потребления, с одной стороны, и необходимость „обеспечить возможность сохранения от физического истощения и вырождения пролетариата, как класса производителей в этот период кризиса",[1]) с другой—

---

[1]) См. резолюцию 2-го Всер. с'езда профессиональных союзов по докладу т. Рудзутака об участии союзов в организации производства. „Второй Всер. с'езд профессиональных Союзов 16-25 января 1919 г.". Стенографический отчет, часть I-я. Госиздат. Москва 1921 г., стр. 140.

диктовали уравнительную политику в оплате и снабжении и притом в известном, заранее точно определенном, размере, что, конечно, не могло бы быть проводимо, если бы снабжение было поставлено в зависимость от результатов труда[1]). Поэтому и в 1918 г., когда впервые ставился вопрос о характере натурализации заработной платы, союзы пошли по пути карточной системы снабжения, оторванной от результатов труда, ибо (помимо вышеприведенных экономических и политических причин), психологически было бы легче сократить норму выдачи по карточке в продовольственном распределителе, чем не заплатить, не покрыть на предприятии заранее обусловленный заработок в критических случаях, не ждать которых не было оснований. И в 1921 году на первом этапе нэп'а, когда промышленности нэп непосредственно фактически еще не коснулся, 4-й Всероссийский с'езд профессиональных союзов, высказываясь в общем против немедленного превращения государственного снабжения в заработную плату, исходил из тех же вышеприведенных нами мотивов. С'езд, останавливаясь на условиях возможности приведения в соответствие государственного снабжения с производительными результатами, говорит, что „однако такая форма (натуральная заработная плата.— Ф. Р.), не может быть осуществима немедленно в силу крайнего истощения страны, ограниченности продовольственных рессурсов, слабости союзных аппаратов, необходимости менять планы снабжения в зависимости от целого ряда крайне изменчивых причин, наконец, необходимости, по сосбражениям сохранения классовой мощи пролетариата,[2]) поддерживать неработающих во временно приостанавливающихся заводах“[3]). Поэтому центр тяжести „неприведения в соответствие“ государственного снабжения с производительностью труда находился, как в периоде военного коммунизма, так и на первом этапе нэп'а, не столько, или не только в теоретической схеме, но в практической невозможности осуществления. Равным образом он находился и в попытках „приведения“ такого соответствия, необходимого в интересах поднятия производительности труда, и являющегося одним из основных условий развития государственной пролетарской промышленности и, следовательно, улучшения положения рабочего класса.

Только на втором этапе нэп'а, когда промышленность начинала переходить на хозяйственный расчет и когда ей

---

[1]) Достаточно вспомнить опыт наркомпродовского натурального премирования, октябрь 1920 г. — март 1921 г.

[2]) Как видно, полная аналогия с выше приведенной выдержкой из резолюции 2-го С'езда об участии союзов в организации производства.

[3]) См. резолюцию 4-го С'езда о тарифной политике п. 3. „Резолюции 4-го С'езда профессиональных союзов“. Госиздат, Москва, 1921 г. стр. 20.

было предоставлено право реализации известной части своей продукции и самостоятельной заготовки продовольствия на вольном рынке в дополнение к недоданному государством, только тогда стало возможным и практически приведение в соответствие, выражаясь языком 4-го с'езда союзов, государственного снабжения с задачей поднятия производительности труда, т. е. стало возможным осуществить частично натуральную заработную плату посредством включения в нее всех натуральных выдач.

Так через 3 года был завершен круг от частично социалистического распределения общественной продукции в виде социального обеспечения к натурализации заработной платы на основе строгой зависимости от результатов труда в виде замены части денежной оплаты натуральной. На втором этапе нэп'а (второе полугодие 1921 г., а отчасти и первые месяцы 1922 г.), когда промышленность фактически перестраивалась на хозяйственный расчет, эта замена части денежной оплаты натуральной, т. е. натурализация заработной платы, достигла наивысшего размера.[1])

8.

Мы задержались несколько дольше на процессе превращения натуральных выдач в заработную плату, ибо этот процесс был наиболее отличительной и выдающейся чертой в движении и характере натурализованной заработной платы в период военного коммунизма и первых этапов нэп'а. И еще потому, что в этом процессе наиболее ярко нашло свое выражение движение смен производственных отношений. Мы этот процесс несколько обособили для того, чтобы, исчерпав его, проследить затем в общих чертах эволюцию форм заработной платы в чистом их виде, не отвлекаясь в сторону проблемы самой заработной платы. Исчерпав этот процесс, мы должны сейчас вернуться к той стадии движения форм заработной платы, на которой мы остановились, когда отвлеклись в сторону рассмотрения процесса превращения натуральных выдач в зарплату, т. е. мы должны вернуться к натуральному премированию продуктами собственного производства.

На первом этапе нэп'а мы имели натуральную заработную плату в виде натурального премирования продуктами собственного производства. Этот вид натурализованной заработной платы, его особенности и характер мы выше уже

---

[1]) Необходимо еще раз подчеркнуть, что речь здесь идет не об общей сумме натуральных выдач и услуг, получавшимися рабочими в качестве социального обеспечения, а о заработной плате, получавшейся рабочими в натуральной форме. В этом смысле натурализация заработной платы и достигла за рассматриваемый период наивысшего размера.

рассмотрели. Это был плод социалистического продуктообмена. С развитием и расширением товарооборота, с начавшимся переходом предприятий на хозрасчет и снятием, вследствие этого, многих из них с государственного продовольственного и денежного снабжения, натуральное премирование продуктами своего производства превращается на втором этапе нэп'а в натуральную оплату, т. е. вся заработная плата рабочих и служащих, не только в части премии, покрывается исключительно из отчислений продуктов собственного производства. Эти продукты собственного производства, как и при натуральном премировании, не выдавались рабочим на руки, а обменивались в организованном порядке, путем натурального товарообмена или обыкновенной в своем процессе купли продажи на предметы продовольствия и широкого потребления, которые и выдавались рабочим в покрытие полагающейся каждому из них заработной платы, частью в натуре, частью-же деньгами. Так что и при натуральной оплате мы, конечно, не имели исключительно чистую натуральную заработную плату, а смешанную, с серьезным перевесом в натуральной части. При разборе систем заработной платы мы и на натуральной плате остановимся более подробно. Сейчас достаточно сказанного, чтобы видеть, что в натуральной плате мы имели натуральную форму заработной платы и притом того же порядка, в большем лишь об'еме, что и натуральное премирование продуктами собственного производства, т. е. мы имели натуральную заработную плату не товарами собственного производства, которые рабочий не мог бы употреблять, а должен был бы продавать, а натуральную заработную плату продуктами и предметами потребления, составляющие в натуральном виде основные и необходимые статьи рабочего бюджета. Эта черта продуктово-потребительского характера нашей натуральной заработной платы, в противовес товарному характеру, проходит красной нитью через всю нашу натуральную заработную плату, начиная от наркомпродовского натурального премирования, через натуральное премирование продуктами собственного производства, натуральную оплату, коллективное снабжение, фондовую систему и кончая обязательным к выдаче продуктовым рационом в коллективных договорах.

Конечно, на практике были, в зависимости от различных обстоятельств, главным образом, при продовольственных и финансовых затруднениях, и отклонения от этой основной черты в сторону товарных выдачь, но это были временные вынужденные исключения, а не система.

Ниже, когда вернемся к денежной форме заработной платы, мы рассмотрим, почему на втором этапе при развитии товарооборота, возрождении и развитии рынков и пе-

реходе на торговлю, мы не только не повернули к чисто денежной форме заработной платы, но продолжали движение в сторону увеличения натуральной части заработной платы. Здесь же нужно лишь констатировать тот факт, что с переходом от натурального премирования к натуральной оплате натуральная часть заработной платы увеличилась значительно. Натуральная часть заработной платы с несомненной очевидностью увеличилась и при замене натурального премирования коллективным снабжением, продуктами собственного производства, т. е. натурализацией заработной платы посредством превращения в заработную плату государственной гарантированой брони или другого вида пайка. И в этом случае натуральная часть заработной платы совершенно очевидно состояла из продуктов и предметов потребления. Главными из них были хлеб, разная крупа, мясо, рыба, жиры, соль, мануфактура и обувь. Натуральная заработная плата в коллективном снабжении, как и позже в фондовой системе и в коллективных договорах, была по своим особенностям тождественна с наркомпродовским натуральным премированием. Как там, так и здесь натуральная заработная плата имела ясную непосредственную связь с потребностями рабочего, с основными статьями его потребительского бюджета, в то время, как, в отличие от данной особенности, связь натуральной заработной платы с непосредственными потребностями рабочего при натуральном премировании продуктами собственного производства и при натуральной оплате преломлялась через призму товарного фонда. В этом и было единственное отличие с виду товарной формы натуральной заработной платы (при натуральном премировании продуктами собственного производства и при натуральной оплате), от чисто продуктовой формы натуральной заработной платы при наркомпродовском натуральном премировании, коллективном снабжении и фондовой системе.

В общем, стало быть, натуральная заработная плата на втором этапе нэп'а увеличилась в одних предприятиях путем превращения натурального премирования продуктами собственного производства в натуральную оплату со снятием этих предприятий с государственного снабжения, а в других—путем увеличения нормы государственного снабжения (пайка) и превращения его в заработную плату с отменой натурального премирования продуктами собственного производства [1]).

---

[1]) С введением коллективного снабжения, на соответствующих предприятиях отменялось натуральное премирование продуктами собственного производства. См. п. 2. Постановл. СТО от 18-го июня 1921 г. о коллективном снабжении.

Фактически, следовательно, натуральная заработная плата на втором этапе нэп'а из натурального премирования продуктами собственного производства преобразовалась, с одной стороны, в натуральную оплату, а с другой—приняла непосредственно продуктовый характер, как основная оплата продуктами продовольствия и предметами потребления за произведенную работу. Преобразование натурального премирования продуктами собственного производства в первом случае (в натуральной оплате) шло по линии предприятий, переведенных на хозяйственный расчет и, главным образом, предприятий потребительской индустрии: кожевенной, текстильной, пищевой, табачной, резиновой, швейной и т. п., а во втором—по линии предприятий, оставшихся на государственном снабжении и, главным образом, предприятий тяжелой индустрии (металлической, горной, топливной и т. п.) и транспорта.

Натуральная заработная плата в том виде, в каком мы ее наблюдаем в последнем случае, была по своему характеру той же, как и в коллективном снабжении, как в фондовой системе, так и в коллективных договорах первой кампании (до сентября 1922 г.), т. е. натуральная заработная плата была основной и покрывалась непосредственно предметами продовольствия и потребления и не преломлялась через призму товарного фонда. Мы поэтому отдельно на натуральной заработной плате при фондовой системе и в первых коллективных договорах останавливаться не будем, так как никакими особенностями по своему характеру (а не в системах заработной платы), она от натуральной заработной платы при коллективном снабжении, которую мы уже рассматривали. не отличалась.

Таким образом, заканчивая рассмотрением натуральную форму заработной платы, следует подытожить, что на протяжении своего существования она имела следующие разновидности: 1) наркомпродовское натуральное премирование по декрету СНК от 8-го июня 1920 г. (июнь 1920 г.—март 1920 г.); 2) натуральное премирование продуктами собственного производства по декрету СНК (от 7-го апреля 1921 г.;) 3) натуральная оплата по наказу ВЦСПС от 24-го августа 1921 г. (июль, август-декабрь 1921 г.) и 4) обыкновенная натуральная заработная плата, как основная (или часть основной) оплата продуктами и предметами потребления за произведенную работу (май, июнь 1921 г.—октябрь 1922 г.).[1]) Эту последнюю мы встречаем, начиная с коллективного снабжения и кончая натуральной частью заработной платы в коллективных договорах.

---

1) Сроки указаны схематически.

В общем, на всем протяжении существования натуральной заработной платы, мы чистой, исключительно натуральной формы заработной платы ни на один момент, даже при натуральной оплате, не имели. Мы имели смешанные формы (денежная и натуральная) заработной платы с преобладанием натуральной формы до середины 1922 г., с какого времени перевес начал решительно склоняться в сторону денежной.

9.

Собственно говоря, уже на втором этапе нэп'а, когда мы решительно стали переходить на товарное хозяйство, на товарно-рыночные отношения, мы могли и должны были бы, в интересах хозяйства и рабочих, начать переход от натуральной заработной платы к денежной. Товарно-рыночные отношения, основанные на товарном хозяйстве, невозможны без денежного обращения, без денежного эквивалента (не всегда, конечно, наличными) расчетов, без денежной калькуляции, в том числе и по заработной плате. В эпоху военного коммунизма, с отмиранием товарного хозяйства отмирала и денежная система учета и расчета, отмирала денежная система, как меновой эквивалент, деньги теряли свою цену, т. е. теряли свою покупательную способность, теряли свою самостоятельную посредническую роль в товарообмене, вследствие чего, естественно, терял свое значение элемент сбережения и накопления капиталов. Деньги вытеснялись сперва из обращения как меновой посреднический эквивалент, заменяясь непосредственным натуральным товарообменом. Потеряв внутреннюю и меновую ценность, деньги теряли и значение мерила ценностей и превращались, при безденежных расчетах в промышленности и при натуральном снабжении рабочих, в принудительные расчетные знаки[1]), в квитанции при из'ятии товаров, главным образом, по отношению к деревне и частным лицам. Рабочие, получая часть заработной платы в расчетных знаках РСФСР, приобретали этим право на то же из'ятие, так как расчетные знаки имели принудительное обращение, ибо золотом они не обеспечивались и от государства за них получать ничего было нельзя. Расчетные знаки, выпущенные в обращение, обратно в государственное казначейство

---

[1]) Интересно отметить, что на всех бумажных деньгах, выпущенных советской властью в 1919, 1920 и даже в конце 1921 г., значится: „Расчетный знак Российской Социалистической Федеративной Советской республики". На бумажных же деньгах, выпущенных в 1922 и 1923, уже значится: „Денежный знак и т. д.". Расчетный знак с 1922 г. был заменен денежным знаком. Этот маленький факт чрезвычайного значения прекрасно иллюстрирует историю и состояние нашего денежного обращения.

не возвращались. Но из государственной промышленности, из государственного хозяйства (при широком огосударствлении экономических функций страны), деньги при безденежном расчете, вытеснились не только как расчетные единицы, но и как единицы учета. Нам всем памятны проекты учета в трудах (по количеству затраченных трудовых единиц. Трудовая единица—час простейшего труда, примерно, 2-го разряда тарифной разбивки). Но с восстановлением товарного хозяйства, с возрождением товарно-рыночных отношений—торговли, неминуемо должен был возникнуть обратный процесс к полному восстановлению денежного обращения во всех его функциях. Уже наказ СНК от 9-го августа 1921 года „о проведении в жизнь начал новой экономической политики" говорит об интересах восстановления народного хозяйства вообще и денежного „обращения в частности", о мерах „поднятия и устойчивости нашего рубля" и рекомендует „не ограничиться рамками местного оборота и переходить, где это возможно и выгодно, к денежной форме обмена" [1]).

Стало быть, с восстановлением денежного обращения, с переходом к „денежной форме обмена" настоятельно необходимо и безусловно возможно было бы перейти и к денежной форме заработной платы.

Если на первом этапе нэп'а, при социалистическом продуктообмене, при натуральном обмене, „наделить" рабочих покупательной способностью, „обменной способностью", можно было, только предоставив им продукты промышленности (натуральное премирование продуктами собственного производства), то на втором этапе нэп'а, при товарно-рыночных отношениях с восстановлением денежного обращения, это можно было сделать, лишь наделив их денежными знаками, т. е. установив заработную плату в денежной форме. Но дело в том, что речь идет не о восстановившемся денежном обращении, а о восстанавливании его. Восстановление денежного обращения, как и восстановление промышленности, хозяйства, процесс длительный, процесс многих лет. Мы уже больше двух лет в условиях нэп'а, а от полного восстановления промышленности, всего хозяйства, как в частности и от полного восстановления денежного обращения, мы еще далеки. Восстановление хозяйства и денежного обращения, в условиях нэп'а, в условиях товарных отношений—два одинаковых, тесно связанных друг с другом, обуславливающих процесса. От темпа развития этих процессов, от меры продвижения их вверх, зависит и переход и движение зара-

---

[1]) См. „Новая экономическая политика в промышленности", сборник декретов и постановлений. Издание ВСНХ, Москва, 1921 г., стр. 21, или „Правда" № 176 от 11 августа 1921 г.

ботной платы к денежной форме. Чисто денежная форма заработной платы во всех стадиях (в исчислении, расчете и получке) возможна только при полном восстановлении денежного обращения в частности и, само собой разумеется, всего хозяйства в целом. Даже теперь, на третьем году нэп'а, когда мы имеем уже почти чисто денежную форму заработной платы, она выражена только в последних двух стадиях, в расчете и получке. Расчет заработной платы ведется в деньгах, деньгами ее рабочий получает. Но исчисляется заработная плата не в деньгах, а по набору продуктов, т. е. в натуральной форме. Наш товарный рубль, по которому исчисляется заработная плата, есть не что иное, как известный, заранее определенный в норме и количестве, набор продуктов, т. е. известный, заранее определенный в зависимости от квалификации и от производительности труда, паек. Мы имеем чисто денежную форму заработной платы на натуральной подкладке. Тем более не было возможности немедленно перейти к денежной форме заработной платы на втором этапе нэп'а, когда только что начали складываться и завязываться товарно-рыночные отношения.

Второй этап нэп'а характеризуется переходом промышленности на товарные рельсы, переводом на хозяйственный расчет, на коммерческие начала. Но этот переход совершался не сразу, а постепенно, в условиях громадной разрухи, полного расстройства денежного обращения и чрезвычайно малой емкости рынков. Положение осложнялось надвигающимся голодом, вследствие постигшего страну ужасающих размеров неурожая, еще более сузившего емкость рынка. Это в свою очередь вызвало колосальный рост эмиссии. В то время, как с января 1920 г. по июнь 1921 г. ежемесячная эмиссия колебалась в пределах от 10 до 16% к общему количеству находящихся в стране денег, с июля месяца за вторую половину 1921 г. эмиссия нарастает последовательно с 18 до 56%, а с декабря 1921 г. по май 1922 г. колеблется между 45 и 56%, т. е. темп эмиссии увеличился в четыре раза против 1920 г. и первой половины 1921 г.[1]) Темп роста цен по индексу бюджетного набора Госплана и статистики труда составлял, если принять январь 1920г. за 100: январь 1920г.—100, июнь 1920г — 292,5, январь 1921 г.—700, июнь 1921 г.—2600, октябрь 1921 г. —3080, декабрь 1921 г.—9290, январь 1922 г.—17.580, февраль—37.100, март—81.225, апрель—134.200, май—164.200.[2]). Таким образом, мы имеем за 1920 г. рост цен в 7 раз, за

[1]) См. введение комиссии СТО к трудам „На новых путях". Выпуск II, финансовый, изд. СТО, Москва, 1923 г., стр. XI.

[2]) См. „На новых путях". Выпуск III. Промышленность. Прилож. V' к статье т. Струмилина „Заработная плата", стр. 125-127.

первую половину 1922 г. в 63 раза. Стало быть, если темп роста цен за период январь 1920 г.—июнь 1921 г. был в среднем, в месяц 1,3 раза, то темп роста цен за период июнь 1921 г.—май 1922 г. был больше, чем в 5,5 раза.

Темп роста цен, таким образом, перегонял темп роста эмиссии. Все это свидетельствует о крайней узости рынка и товарооборота, о расстройстве всего денежного обращения. Емкость рынка была так мала, покупная способность населения так незначительна, что при всем ничтожном количестве нашей промышленной продукции мы имели в конце 1921 г. и в начале 1922 г. тяжелый кризис сбыта, некоторое своего рода перепроизводство, совершенно не связывающееся со всей разрухой в промышленности[1]).

В условии такой мизерной емкости рынка, столь исключительного расстройства денежного обращения и катастрофического состояния советского рубля, в условиях такого небывалого, расшатавшего всю хозяйственную жизнь страны, голода, который надвинулся в сельско-хозяйственный 1921 — 1922 г., когда товарно-рыночные отношения только завязывались, когда товарный оборот лишь начал выходить из рамок местного хозяйственного оборота и про-

---

[1]) Показателем, как суживался товарообмен, могут служить данные о торговом обороте (денежный товарообмен) центральных торговых организаций ВСНХ (около 60 организаций). Так, общий оборот (покупка и продажа) составлял в золотых рублях по среднему местному вольному курсу: в январе 1922 г.—18.553.817, в феврале—13.991.779, в марте—11.774.599, в апреле—5.450.362, в мае—7.015.396, в июне—10.331.936, в июле—20.741.925, в августе—20.543.267. Так что первые четыре месяца 1922 г. наблюдались определенный застой, прогрессивное сужение рынка и, как следствие, кризис сбыта. Более рельефно вырисовывается процесс сужения рынка до мая и процесс расширения в связи с выяснившимся хорошим урожаем с мая, если проследить торговый оборот только по продаже. Тогда данные будут такие: январь—9.552.290, февраль—7.250.203, март—5.702.689, апрель—3.311.400, май—4.600.196, июнь—7.335.675, июль—14.642.345, август—13.551.622 (см. „Государственная торговля“ в трудах комиссии СТО „На новых путях“, вып. I. Торговля. Стр. 108—109, табл. I, изд. СТО, Москва 1921 г.).

Насколько вообще был узок рынок и насколько серьезен по своим причинам и последствием был кризис сбыта, могут показать следующие данные о стоимости промышленной продукции за 1912 г., 1921 г. и 1922 г. Данные охватывают для 1912 г. 90%, для 1921 г. 95% и для 1922 г. 90% продукции предприятий всей промышленности. Так что эти данные вполне показательны. Из этих данных явствует, что стоимость готовой к потреблению продукции фабр.-зав. промышленности была в миллионах золотых рублей в 1912 г.—3.721, 1921 г. 585, 1922 г.—705 (за первые 9 мес. 1922 г. учтенные данные—480,5, а за последнюю четверть вероятные данные).

Стало быть, при 15,75% довоенной продукции в 1921 г. и около 20% в начале 1922 г. мы, однако, имеем кризис сбыта, настолько был узок рынок. (Данные о стоимости продукции мною взяты из работы П. И. Попова „Промышленность РСФСР“. 1912—1922 г. „На новых путях“ выпуск III. Промышленность. Стр. 159—189).

мышленность едва начинала становиться на путь хозяйственного расчета,—в таких условиях перейти к денежной форме заработной платы было-бы губительно. Это означало бы еще большее увеличение эмиссии, быстрое поднятие цен, падение рубля. Такой переход окончательно не дал бы возможности восстанавливаться денежному обращению, поставил бы промышленность в невозможные условия на рынке и отдал бы рабочих в костлявые руки голода. Чтобы избежать грозной опасности, необходимо было оставить и сохранить натуральную форму заработной платы и, отказавшись от политики социального обезпечения в последней, путем превращения всех натур выдач в заработную плату, увеличить ее натуральную часть. Это увеличение и усиление натуральной части заработной платы должно было быть сохранено на весь голодный 1921—1922 сельско-хозяйственный год, и оно действительно имело место как при коллективном снабжении, так, беспорно, и при натуральной оплате, при фондовой системе, а также и в первых коллективных договорах. Так что, не смотря на то, что на втором этапе нэп'а мы решительно стали переходить на товарное хозяйство, на товарно-рыночные отношения, влекущие неизбежно за собой циркуляцию денежного обращения, вследствие чего переход к денежной форме заработной платы был безусловно неминуем, однако, на практике, как во всякий, впрочем, переходный период, когда старое перекрещивается с новым и образует сложныя явления, тем более, при наличии такого грозного, разрушающего экономическую ткань, фактора, как голод,—этот переход к денежной форме заработной платы совершиться сразу не мог, а, наоборот, временно на первых порах движение приняло обратное направление—в сторону увеличения натуральной заработной платы. С одной стороны, обстановка была так сложна, а с другой, необходимость, практическая необходимость сохранения натуральной формы заработной платы, столь очевидна, что октябрьский 1921 года широкий пленум ВЦСПС, заменивший собою Всероссийскую конференцию союзов, не в пример предыдущим с'ездам и конференциям, на которых вопрос о форме заработной платы денежной или натуральной ставился принципиально и практически, этот вопрос совершенно обошел. Лишь исторический пленум ВЦСПС, в феврале 1922 г., когда союзы ясно осознали переход на товарное хозяйство, указал, что „необходим постепенный, по мере большей устойчивости курса рубля, переход к денежной форме оплаты труда“[1]).

---

[1]) См. резолюцию февральского пленума ВЦСПС „по тарифному вопросу“ п. 14, абзац „в“ „Резолюции 2-го пленума ВЦСПС (16—19/II 1922 г.) издание РИО ВЦСПС“. Москва. 1922 г. стр. 23.

Но до выяснения видов на новый урожай, который естественно увеличил бы товарооборот, расширил рынки сбыта и тем самым, на ряду с усиливающимся налоговым прессом, дал бы возможность несколько стабилизоваться рублю и сократиться эмиссии, этот постепенный переход совершить было нельзя.

10.

Некоторый переход к чисто денежной форме, и то только лишь в расчетной стадии, был сделан с введением фондовой системы заработной платы. Наказ ВЦСПС от 1-го декабря 1921 г. о проведении новой тарифной системы (фондовой.—Ф. Р.), определял, что „при установлении размеров индивидуальной оплаты ни в коем случае не следует применять никаких условных паев. Заработная плата должна иметь чисто денежное выражение, чтобы каждый работник заранее знал, что ему причитается получить“. Но причитающийся заработок выдавался частично лишь деньгами. Помимо денежной части, он погашался продуктовым пайком, прозодеждой, предметами широкого потребления и коммунальными услугами, при чем „работник не имел права отказываться от получения в зачет тех продуктов и предметов, которые предназначались в виде заработной платы“[1]).

Так что при обязательности получки основной части заработной платы в натуре, денежная форма, „чисто денежное выражение“, служила лишь счетной единицей и то очень проблематичной, ибо натуральная доля, покрываемая Наркомпродом в части продовольствия и ВСНХ в части предметов широкого потребления, не всегда выдавалась полностью, соответственно той доли денежного выражения заработной платы, которая на натуральную часть приходилась, при чем недоданное продовольствие или предметы широкого потребления деньгами не компенсировались. Следовательно, чисто денежного выражения заработной платы даже в расчетной части мы и здесь не имеем. Натуральная часть заработной платы стояла обособленно от денежной. Несмотря на то, что заработная плата, по Наказу ВЦСПС от 1-го декабря, должна была устанавливаться единая, в денежной форме, фактически натуральная часть заработной платы не была связана с денежной, она существовала раздельно; раздельно велся расчет по денежной части, раздельно по натуральной. Это было общей характерной чертой всей нашей смешанной заработной платы. В

---

[1]) См. Наказ ВЦСПС о проведении новой тарифной системы. Издание РИО ВЦСПС, Москва, 1921 г., стр. 10.

наркомпродовском натуральном премировании (не говоря уже о карточном или списочном гарантированном продовольственном снабжении, — там вообще не было никакой связи с заработной платой) и в премировании продуктами собственного производства эта черта была выявлена наиболее ярко, наиболее рельефно. Между денежной и натуральной частью заработной платы не было никакой общей связи. Каждая из них получалась на предприятии из других источников, отдельно подсчитывалась и отдельно расчитывалась. Не было общей единой заработной платы, в счет которой часть бы выдавалась деньгами, часть натурой. Каждая из них существовала самостоятельно, обособленно, каждая из них раздельно связывалась с производительностью труда. Тоже самое, не так выпукло выявляясь, было и при коллективном снабжении. И там натуральная и денежная часть фонда устанавливалась особо, особо отпускалась, отдельно подсчитывалась денежная ставка, денежная заработная плата и отдельно определялся натуральный паек, натуральная заработная плата. Эта черта была свойственна, как мы выше видели, и фондовой системе, отчасти и натуральной оплате; эта черта не изгладилась и в первых коллективных договорах, когда заработная плата определялась раздельно в денежной и натуральной части, примерно, для 6-го разряда, устанавливалось столько-то денег и такой-то продуктовый рацион, и каждая из этих частей самостоятельно изменялась для остальных разрядов по коэффициентам тарифной сетки. Это было, следовательно, характерной чертой всей нашей смешанной формы заработной платы, корни которой (черты) лежали в общей системе управления промышленностью в период военного коммунизма и переходной стадии к полному хозяйственному расчету и в общей политике снабжения и распределения того времени. Стало быть, и эта черта вытекала из общего положения промышленности и имела экономические предпосылки. Только с полным переходом промышленности на хозяйственный расчет, когда все хозяйство предприятия было единым и не находилась по частям в руках отдельных органов, только тогда был ликвидирован разрыв между денежной и натуральной частью заработной платы, только тогда перестали существовать „две заработные платы“,— одна наркомпродовская (преимущественно) и одна—наркомфиновская. Это стало практически осуществимым с переходом на единую денежную форму заработной платы.

Этот переход решительно начался, когда выяснились виды на благоприятный урожай и в связи с этим начал расширяться рынок, изживаться кризис сбыта, вследствие чего замедлился темп роста цен, достигнув даже некото-

рой относительной стабилизации рубля [1]). Все вместе взятое в совокупности с перестройкой к этому времени (май—июль 1922 г.) почти всей промышленности на хозяйственный расчет и сокращением, на ряду с ростом налоговых поступлений и других доходов, темпа роста эмиссии [2]), дало возможность начать переход к чисто денежной форме заработной платы.

11.

Еще в мае месяце, когда промышленность, главным образом, легкая, уже перестроилась на началах коммерции и освоилась несколько с рынком; когда в связи с хорошими видами на урожай появилась на рынке масса хлеба, придержанного раньше крестьянством на случай повторного неурожая, и когда вместе с этим или следствием этого наметился определенный перелом в емкости рынка и движении цен, что представляло возможность выйти рабочим на рынок, ВЦСПС, хотя еще осторожно, рекомендовал союзам „там, где это возможно, погашение заработной платы продовольствием не делать обязательным, а устанавливать получение его рабочими по их желанию" [3]). Это означало установление по отдельным производствам или по отдельным районам, там где это возможно по кон'юктуре рынка, чисто денежной формы заработной платы. Это было уже явно нечто совершенно противоположное той директиве, которую ВЦСПС давал в декабре 1921 г. в „Наказе" о проведении новой тарифной системы (фондовой). Здесь в мае месяце мы уже имели определенно намеченную тенденцию к переходу на чисто денежную форму оплату в практической плоскости. Как действительно этот переход фактически совершался и как вообще шла эволюция форм заработной платы, сперва от денежной к натуральней, а затем в обратном направлении, мы увидим ниже в особой таблице. Но именно здесь, накануне второй половины 1922 года, переход к чисто денежной форме оплаты начался определенно и решительно, и постепенно заработная плата от преобладающей в ней натуральной формы передвигалась все ближе и ближе к денежной форме, как доминирующей, а затем, к началу 1923 г., как почти исключительной.

В сентябре 1922 г. когда реализация нового благо-

1) Общероссийский индекс бюджетного набора продуктов Государственного плана был, с округлением, в 1922 году по месяцам, если принять январь за 100: январь—100, февраль—210, март—458, апрель—756, май—925, июнь—1012, август 1070, сентябрь—1325, (по материалам статистики труда).

2) Темп эмиссии, отношение месячного выпуска к количеству бумажных денег в обращении, был: январь 1922 г. —54%, февраль—46, март 51, апрель—45, май—50, июнь—40, июль—39, август—38, сентябрь—27.

3) См. директивное письмо ВЦСПС. „Политика и практика тарифной работы союзов в новых условиях". Книжка под тем же названием, издание I РИО ВЦСПС, Москва 1922 г. стр. 11.

приятного урожая уже производилась, когда хозяйственный расчет в промышленности укрепился и товарно-рыночные отношения более или менее сложились, 5-й Всероссийский с'езд профессиональных союзов дал уже определенно твердую линию в вопросе о формах заработной платы. „Учитывая, что смешанная (натуральная и денежная) форма заработной платы не соответствует современной экономической обстановке", 5-й с'езд союзов, принимая во внимание сверх того практические цели „ликвидации путаницы в расчетах с рабочими, а равно устранение сложности производственных калькуляций", указал, что „ближайшей задачей тарифной политики является переход к чисто денежной форме оплаты труда"[1]). К этому времени (сентябрь 1922 г.) денежная часть заработной платы фактически уже составляла по всей России 70,5% общего заработка, в Петроградской губернии 82,1%, а по Москве 85,6. Это свидетельствует о том, насколько крепко сложились товарно-рыночные отношения в государственной промышленности, позволившие, на ряду с общим расширением и крестьянского рынка, продвинуться значительно к чисто денежной форме заработной платы, отвечающей интересам рабочих и промышленности в обстановке товарного хозяйство.

На ряду с движением к чисто денежной форме заработной платы ликвидировался, поскольку еще существовала натуральная форма, и разрыв между натуральной и денежной частью заработной платы, ликвидировалось их самостоятельное, обособленное, раздельное существование. Главная причина этого раздельного существования лежала, как мы видели выше, в общей системе управления промышленностью в период военного коммунизма и в период перехода к полному хозяйственному расчету в общей политике снабжения и распределения того времени. По мере фактического перехода промышленности на хозяйственный расчет и снятия ее с государственного продовольственного пайкового снабжения, в такой же степени параллельно шел процесс слияния в одно целое натуральной и денежной частей заработной платы. В последнем случае натуральная часть заработной платы играла уже лишь второстепеную роль. Заработная плата устанавливалась исключительно в денежной форме, все расчеты велись в денежном выражении, а натура выдавалась в счет этой заработной платы за вычетом соответствующей части по стоимости из общего денежного заработка. Таким образом, полностью ликвидировалось в смешанной форме заработной платы раздельное существование ее составных частей — денежной и натуральной. Но эта ликвидация была связана и зависила от темпа и раз-

[1]) См. резолюцию 5-го с'езда союзов о тарифно-экономической работе союзов. Бюллетень 5-го с'езда союзов, № 16

мера упразднения системы государственного продовольственного пайкового снабжения промышленности. И как раз сентябрь месяц был последним месяцем существования этой системы. С октября 1922 г. вся промышленность, транспорт, наркоматы были сняты с государственного снабжения (продпайкового), и эта система сама по себе была окончательно упразднена[1]). Это свидетельствовало о полном переходе всей промышленности в общем и целом на хозяйственный расчет и полной в связи с этим ликвидации раздельного существования двух форм заработной платы — наркомфиновской (денежной) и наркомпродовской (натуральной).

Были, конечно, и после ликвидации государственного пайкового снабжения отдельные случаи существования раздельных от общей, в денежной форме выраженной, заработной платы натуральных задач, по поводу которых ВЦСПС и ВСНХ указали всем союзным и хозяйственным организациям, что необходимо „установить строжайшее проведение в жизнь единой, ясной, чисто денежной формы заработной платы, оговаривая полную платность всякого рода услуг или отдельных выдач, которые по тем или другим обстоятельствам (неблагоприятная коньюктура рынка и т. п). должны быть еще оказываемы рабочим со стороны предприятий“[2]).

Но такие случаи были отдельными явлениями, исключениями. В общем же натуральная часть заработной платы, поскольку она существовала, составляла действительно часть единой заработной платы, выраженной в расчете в чисто денежной форме.

Но переход к чисто денежной форме заработной платы не только в расчете, но и в расплате, в получке продвигался постепенно все более вперед. Директива 5-го с'езда союзов о переходе к чисто денежной форме оплаты, в ос-

---

1) Интересно привести данные о количестве рабочих и служащих, состоявших на государственном снабжении, бронированном комиссией по рабочему снабжению, которая начала свою работу с декабря 1919 г.

На этом снабжении состояло (в тысячах)

	Январь	июнь	сентябрь	октябрь	декабрь
1919 г.	—	—	—	—	642
1920 г.	752	—	—	1250	2500
1921 г.	3125	—	—	3763	3094
1922 г.	—	—	—	—	—
Промышл.	990	614	594	не состояло	
Транспорт.	930	930	960	—	—

За декабрь 1921 г. взяты сведения по плану госснабжения на ноябрь—декабрь. По промышленности в этом числе (3094) было 1586.

2) См. цирк. письмо ВЦСПС и ВСНХ. „Ближайшие задачи профессиональных союзов и хозорганов в области регулирования заработной платы“. Газ. „Труд“ от 24 марта 1922 г., № 65,

нове которой (директивы) был положен правильный учет экономической обстановки, себя оправдала. Успешность этого перехода в декабре 1922 г. констатировала 2-я сессия ВЦСПС. И действительно, в декабре 1922 г. натуральная часть общего заработка рабочих по всей России составляла уже лишь 19,5%, по петроградской губернии 11,9%, а по Москве только 5,4%.

Эволюция от смешанной формы заработной платы к чисто денежной завершилась.

* * *

Окольными путями, через и посредством капиталистических методов производства, рабочий класс Союза Советских республик продвигается к единому, плановому социалистическому хозяйству.

На окольных путях нашего продвижения, на которые мы вступили „всерьез и надолго", этим капиталистическим методам производства сопутствует неотделимая от них заработная плата и в денежной ее форме.

Хотя чуждыми рабочему классу методами и окольным путем, но верно и твердо он держит руль на социалистическое хозяйство. Сею победой, носящей смерть товарному производству и денежной системе обмена, умрет и денежная форма заработной платы и сама заработная плата, как цена основного товара—рабочей силы.

Движение форм заработной платы фабрично-заводских рабочих в 1917—1922 г.

Денежная и натуральная часть среднего месячного заработка рабочего в процентах к общему заработку [1]).

Периоды	В России			В Петрограде			В Москве		
	Деньгами	Натурой	Всег	Деньгами	Натурой	Всего	Деньгами	Натурой	Всег
1917 г. 1-е полугод.	100	—	100	100	—	100	100	—	100
„ 2-е „	93,8	6,2	100	90,6	9,4	100	97,2	2,8	100
1918 г. 1-е „	79,7	20,3	100	72,4	27,6	100	84,1	15,9	100
„ 2-е „	72,1	27,9	100	64,1	35,9	100	68,6	31,4	100
1919 г. 1-е „	41,6	58,4	100	37,2	62,8	100	38,4	61,6	100
„ 2-е „	30,4	69,6	100	24,3	75,7	100	37,2	62,8	100
1920 г. 1-я четверть	18,0	82,0	100	15,1	84,9	100	14,6	85,4	100
„ 2-я „	14,8	85,2	100	16,3	83,7	100	16,3	83,7	100
„ 3-я „	18,6	81,4	100	15,0	85,0	100	22,7	77,3	100
„ 4-я „	12,8	87,2	100	17,9	82,1	100	14,3	85,7	100
1921 г. 1-я „	6,8	93,2	100	7,2	92,8	100	5,2	94,8	100
„ 2-я „	7,0	93,0	100	8,1	91,9	100	6,5	93,5	100
„ 3-я „	25,1	74,9	100	25,5	74,5	100	30,4	69,6	100
„ 4-я „	39,7	60,3	100	50,9	49,1	100	64,1	35,9	100
1922 г. январь	19,3	80,7	100	31,9	68,1	100	37,8	62,2	100
„ февраль	27,1	72,9	100	45,0	55,0	100	49,9	50,1	100
„ март	33,2	66,6	100	61,8	38,2	100	61,9	38,1	100
„ апрель	25,6	74,4	100	51,1	48,9	100	48,4	51,6	100
„ май	38,9	61,1	100	65,3	34,7	100	69,1	30,9	100
„ июнь	44,6	55,4	100	73,5	26,5	100	75,5	24,5	100
„ июль	57,3	42,7	100	77,5	22,5	100	77,6	22,4	100
„ август	68,6	31,4	100	80,0	20,0	100	79,7	20,3	100
„ сентябрь	70,5	29,5	100	82,1	17,9	100	85,6	14,4	100
„ октябрь	68,5	31,5	100	77,6	22,4	100	93,4	6,6	100
„ ноябрь	76,8	23,2	100	90,4	9,6	100	94,8	5,2	100
„ декабрь	80,5	19,5	100	88,1	11,9	100	94,6	5,4	100

[1]) Таблица составлена по вычислениям тов. Струмилина (см. его статью о заработной плате в сборнике „На новых путях“, выпуск III. „Промышленность“ стр. 103) и материялам Центр. Бюро статистики Труда.

Данные за 1917—1921 г. включительно учитывают натуральную часть заработка только в отношении пайка, прозодежды; неплановые выдачи предметов широкого потребления и коммунальные услуги в подсчет не входят. Данные за 1922 г. учитывают все выдачи натурой за исключением льгот по коммунальным услугам.

Громадный скачек роста денежной части заработка за третью и, главным образом, за последнюю четверть 1921 г., об'ясняется всеобщим увеличением в это время денежных тарифов, которые, однако, в начале 1923 г., как это видно из таблицы, потеряли значительно, благодаря падению курса рубля, свою реальную и, следовательно, и относительную величину.

Если принять во внимание расчеты тов. Струмилина (там же стр. 104)., которые устанавливают, что в среднем рабочий получал товарами по общегосударственному снабжению в 1918 г. около 80 коп., в 1919 г.— 86 коп., а в 1920 г. вместе с прозодеждой 1 р. 83 к., в 1921 г.—94 к., то это, даже не считая бесплатные коммунальные услуги, сильно увеличит процент натуральной части заработка, данный в нашей таблице, ибо весь заработок колебался (по России) в пределах 6 р. 42 к. для 1-го полугодия 1918 г. и 9 р. 77 к. в последней четверти 1921 г.

Отпечатано
в типографии
Р. И. О. ВЦСПС